

МИХАИЛ ДОРИН

АВИАТОР 2
НАЗАД В СССР

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 2

«Автор»

2023

Дорин М.

Авиатор: назад в СССР 2 / М. Дорин — «Автор», 2023

Серёга продолжает идти к своей мечте стать лётчиком семимильными шагами. Первый курс подходит к концу, полёты всё сложнее, а недруги и завистники всё коварнее и изобретательнее.

© Дорин М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 2

Глава 1

Сложно осознавать, что ты сейчас один и должен принять решение. Под тобой жилые дома, в задней кабине человек, который не может покинуть самолёт.

Руководитель полётами отчего-то не отжал кнопку на своей тангенте и продолжал дышать в эфир. Пускай так, но чувствуешь, что ты не один.

Сейчас он может подать мне самую правильную команду – приказать катапультироваться, но он не знает, что этого не сделает Крутов. И как мне потом с этим жить, зная, что мог доложить о его здоровье и сесть на полосу раньше.

Один раз уже Родину повезло, когда он разложил Як-18. Второй раз может и не повезти. Не факт, что получится посадить самолёт в поле. Я никогда такого не делал и слабо имею представление, как все сделать правильно. Риски огромные, но если я выполню приказ и катапультируюсь, то Крутов мертвец. И как потом с этим жить, осознавая, что мог его спасти?

Садимся в поле, а потом пусть хоть увольняют!

– Высота? – спросил руководитель полётами.

– Триста пятьдесят, – ответил я. – Сопка, сажусь на вынужденную, шасси убрано.

В эфире пауза. Я слышал, как руководитель тяжело дышит в микрофон. Перед моими глазами было поле, которого могло бы хватить для посадки. Но как притупить эту машину на такой скорости?

– Посадку... разрешаю. Площадку наблюдаете?

– Наблюдаю. Высота триста двадцать, скорость двести шестьдесят, шасси убрано.

Всё как по инструкции – держу параметры, шасси не выпускаю, закрылки выпустил аварийно.

Теперь планирую на скорости двести двадцать километров в час. Выдерживаю направление, попутно проверяю, все ли действия были мной произведены.

Стоп-кран закрыт, тумблер автомата защиты сети «Батарея» выключен. Скошенное поле уже близко.

– Высота сто, сброс фонаря, – доложил я руководителю полётами, надел очки со светофильтром и выполнил аварийный сброс.

Земля набегаёт, ноги снял с педалей и поставил ближе к сиденью. Перед глазами только указатель перегрузки. И зачем я на него взглянул?

Выравниваю и приземляюсь. Вот она земля! Самолёт начал ехать по скошенной стерне, скользя как по разлитому киселю. Поднялся большой столб пыли, застилавший видимость перед собой. Вся кабина стала заполняться песком и подброшенными вверх остатками травы. Через несколько секунд машина замерла.

– Командир, мы сели! – отчего-то закричал я, начиная отстёгиваться и снимать запылившиеся очки. Фонарь задней кабины сдвинут назад, а сам Крутов был без сознания.

А что, если это он сам посадил из последних сил самолёт? Фонарь же как-то смог сдвинуть.

Я начал прощупывать пульс, биение сердца, попутно стараясь привести его в чувства.

– Чего... не прыгал? – тяжело произнёс Крутов, приоткрыв глаза.

Говорить начал, уже хорошо.

– Так... это... своих не бросаем, товарищ генерал.

С найденной мной «новой грунтовой взлётно-посадочной полосы», нас повезли в госпиталь. Санитарный УАЗ с Крутовым ехал впереди, удаляясь всё дальше. Сейчас Николая Евгеньевича нужно быстрее доставить в реанимацию.

В машине ко мне пришло осознание произошедшего. Я посадил самолёт без шасси в поле с выключенным двигателем после попадания птицы! Руки начали трястись при одной только мысли, что далеко не каждому это удалось бы. Вновь чуть не пришло за мной «нечто» с косой и в чёрном балахоне.

Если бы я неверно рассчитал скорость, нарушил порядок действий и слишком резко отклонял органы управления, можно было и разбиться на том поле. Но у нас с генералом получилось. И всё равно не верится, что Крутов ничего не делал. Может, удастся когда-нибудь спросить его об этом.

– Как самочувствие, парень? – спросил у меня фельдшер, когда мы выехали на асфальтированную дорогу, ведущую в город.

– Нор... нормально. Хол... холодно только. Есть одеяло какое-нибудь? – спросил я. Видимо, начинаю отходить от напряжения.

– Потерпи. На улице +25, это тебя шок одолел. Сейчас пройдёт, – хлопнул он меня по плечу, и с одежды посыпалась пыль. К слову, я сейчас был похож на пряник из Шрёка. Такой же румяный и с дрожащим голосом.

Когда я вылез из санитарной машины перед приёмным отделением, ко мне уже катили кресло. Куда мне такому пыльному созданию садиться в чистый больничный транспорт!

– Девушки, спасибо. Я своим ходом, – сказал я двум загорелым прелестным медсёстрам, которые пытались меня усадить. – Можно мне ванную?

– Конечно. А вы как хотите принимать её? – спросила девушка с едва выбивающимися из-под колпака светлыми волосами. Провокационный вопрос задаёт блондиночка!

– Люблю с приятной и горячей водой. Ну и с милой... то есть мылом, – сказал я. Эти две медсестрички так и смотрят на песочного человека, которого привезли им для исследования.

На входе в приёмный покой меня встретили не так радостно, как на улице. Санитарка, полная женщина с противным голосом, взялась за то, что с меня посыпалась пыль.

– Мусорит он тут! Вот дам тебе швабру, сам будешь убирать, – говорила она, хватая ведро с водой.

– Тётя Зоя, это ж лётчик. Они после грубой посадки в поле...

– Ох, как в поле? У Сметановки приземлились? – запереживала тётя Зоя, чуть не уронив ведро.

– Между Сметановкой и Вороновкой, – сказал я, слегка выпячивая грудь от гордости.

– Ох, да и хорошо, что так. А то дача у меня в Орловке, а дед мой несколько участков там на полях посадил. Вот хорошо, что так сел. Не побил урожай.

Вот кому что! Тут еле жив остался, а тётя Зоя за огород переживала. Хорошо хоть не расстроили старушку.

– Кто у нас тут такой? – из кабинета дежурного врача вышел преклонного возраста мужчина, чмокающий языком.

– Виктор Анатольевич, курсанта привезли. Может, его в терапию? – спросила блондиночка. Теперь понятно, с какого она отделения. Послушаем, что скажет вторая.

– Саша, зачем в терапию? Мне вот врач в нашей травматологии сказал, что он к нам поступит, – потянула меня за руку голубоглазая пышечка. – Может, ему сначала помыться, Виктор Анатольевич? А то и жарко, и грязный он какой весь...

– Да, конечно. Только в терапии горячая вода всегда и ванную новую поставили...

– Милочки, Маша и Саша, сначала осмотр. Проходи, мил человек.

Врач напомнил мне доктора Айболита из мультика. Так же ходит, медленно перебирая ногами. Старый, седой и с бородкой.

Осмотр у Виктора Анатольевича превратился в прохождение ВЛК. То тут спросит, болит или нет, то там. Говоришь ему, что здоров, а он знай себе смотрит во все щели. Только не заставил ещё штаны снять. Было бы интересно посмотреть, как я буду раздеваться под очередной радиоконцерт на «Маяке».

«И с полей уносится печаль, из души уходит прочь тревога...», – звучал в динамике приёмника «Йошкар-Ола» Лев Валерьянович со своим хитом.

– Девочки, а как там генерал Крутов? С ним всё хорошо? – спросил я.

– В реанимации. Состояния не знаем, – ответила Маша.

Я предположил, что Крутову в полёте стало плохо с сердцем. Для лётчика это означает конец лётной карьеры, но главное, что мы с ним выжили, а остальное приложится.

– Да знаем. Там операцию назначили сразу. Вроде с сердцем что-то..., – продолжила Саша, но доктор попросил о тишине.

– Идёт осмотр. Теперь, мил человек, как у вас самочувствие? – спросил он, осматривая мне уши. – Почему вы весь в песке. Вы с пляжа к нам?

– С поля, доктор. Я...

– Так вы работали в поле! Вот помню, как в своё время пахали мы целину...

– Виктор Анатольевич, ну давайте уже в какое-нибудь отделение, – причитала Саша.

Победила в этой делёжке терапия. Это и правильно, раз нет у меня повреждений и травм. Посмотрят, проверят и обратно в училище.

Стоя под горячим душем, я снова прокрутил в голове весь полёт и заход на посадку. Руки до сих пор тряслись от напряжения, которое спало не так быстро, как мне хотелось бы.

Комбез пришлось постирать и упросить Петровну, сестру-хозяйку, его где-то повесить. Выдали мне коричневое больничное одеяние и затёртые тапки. Так как с собой белья у меня не было, выдали и черные трусы-парашюты.

– Стирай и давай сюда. На, вместо твоей, – сказала сестра-хозяйка, протягивая мне болотного цвета майку. – И смотри у меня, с голым торсом не ходить. Нечего мне девок завлекать! – предостерегла меня Петровна. Тут как тут снова эта Саша со своими услугами.

– Оставь, я сама высушу и поглажу. Тебе отдохнуть надо. Это ж какой стресс! – продолжала причитать медсестра, выдёргивая у меня постиранный комбинезон.

– Сашка, ты мне смотри! Знаю я тебя! – пригрозила Петровна девушке.

Ну и хорошо, заслужил ты, Серый, немного заботы. Только бы девочка не перешла к более откровенным подкатам.

Внутри палата ничем не отличалась от той, где мы чуть больше месяца назад посещали Виталика после пожара. Просторное помещение, крашенные до уровня носа стены и побеленные потолки. В палате, помимо меня, оказалось ещё трое. Один был, судя по внешнему виду, пенсионер. Лежит в больших очках и читает выпуск «Роман-газеты». Зелёная обложка с фотографией мужика с собакой на крыльце дома. А номер этот, видимо, посвящён писателю Юрию Казакову. Не читал его произведений, если честно. Ещё двое оказались солдатами. Коротко стриженные и весело что-то обсуждающие.

– О, новенький. Закурить есть, боец? – с наездом сказал сидевший ко мне спиной солдат. Попытался показаться сильно служивым этот салага. По одному только его виду понятно, что весной призвался.

– Не курю и тебе не советую, – ответил я, снимая с себя больничную кофту и прикладываясь на кровать. Солдаты оценили, что мышц у меня несколько побольше, чем у них и вернулись к своим обсуждениям. За год из худосочного, Родин превратился в достаточно крепкого паренька. Так что теперь можно и своим внешним видом отпугивать задир.

А может, просто увидели у меня в руках шлемофон и наколенный планшет. С ними я не мог расстаться. Где потом их искать перед сдачей на склад. Тем более что теперь они для меня как память и напоминание о таком случае.

Пружинная кровать скрипела ужасно, когда я переворачивался на ней, в надежде занять более удобную позицию. Сейчас бы берушами обзавестись и уснуть спокойно. Но нет! Приходится слушать, как солдаты разрабатывают план ночного самохода.

– Так, всем тихо. Новому пациенту нужен покой, – сказала Саша, зайдя в палату с большим подносом. – Сергей, ваш ужин. Вам предписан постельный режим.

– И за какие это заслуги ему такие привилегии? – негодовал один из бойцов.

– Не вашего ума дело. Распоряжение главного врача. Приятного аппетита, Сергей, – поставила передо мной поднос с ужином Саша.

Утром начался настоящий проходной двор в моей палате. С первыми звуками горнов программы «Пионерская зорька» из радиоприёмника начались посещения нашей палаты.

– Как самочувствие, Сергей? – осматривал меня заведующий терапией. – Вы молодец. Про вас хотят статью в газете уже написать.

– Польщён. Может, я в училище пойду? Ничего же не болит.

– Три дня. Один уже прошёл, – ответил врач, выходя из палаты.

Следующим посетителем оказался Николаевич. В своей палате я решил не отлёживаться и вышел с ним на улицу, прогуляться во дворе госпиталя.

– Значит, птица попала. А Крутов почему на связь не выходил? – спрашивал Нестеров, когда мы присели на лавку.

– Да... станция у него барахла! Ему было не до связи в тот момент. Манёвр строил, – соврал я, но Петра Николаевича это не убедило.

– Сказочник! К тебе всё равно придут с расспросами. Комиссия всё поднимет, и проблемы с сердцем генералу уже не скрыть.

Дело говорит майор. Похоже, придётся всё рассказывать, как было. Николаевичу можно довериться в этом вопросе. Авось вдвоём и придумаем, что говорить комиссии.

Весь мой рассказ не занял и десяти минут. Нестерова интересовал порядок действий и что я докладывал руководителю полётами.

– Действовал ты верно. Всё, как в Инструкции лётчику Л-29. Одно только могут предъявить – не доложил об ухудшении состояния инструктора.

– По переговорам экипажа могут не вычислить. Там только моя фраза, что нужно медслужбу предупредить. А Крутов что скажет, как думаете? – спросил я, взглянув по сторонам. Хотя, кому надо подслушивать наш разговор. Во дворе гуляет один пациент на костылях со своей спутницей. Им сейчас явно не до нашего расследования.

– Он давал тебе указание на запрос внеочередной посадки?

Я прокрутил в голове все короткие фразы, сказанные генералом в полёте. Он практически ничего и не говорил.

– Крутов сказал, чтобы я летел и садился, как положено. Могут как-то двояко это расценить?

– Нет. Главный козырь, что ты посадил машину без серьёзных последствий. Жалобы колхозников не в счёт, – улыбнулся Нестеров, протягивая мне пачку сигарет. – Всё ещё не хочешь курить?

– Нет, спасибо.

– Я после первой командировки закурил. Такого насмотрелся. Аннанские горы до сих пор сняты. Говорят, твой отец был там? – спросил Николаевич. Видимо, Нестеров тоже был во Вьетнаме, но не пересекался с Родиным-старшим.

– От меня скрывают подобную информацию. Не пойму почему. А вы там сколько были?

– Много будешь знать, скоро состаришься, Родин, – сказал Нестеров и отвернул голову в сторону. – Так, марш в палату. Меня сейчас будут казнить. Расскажешь кому, отправлю в наряд по столовой в выходной день.

Только не туда! Наряд в это царство жира и кричащих фурий в белых колпаках худшее, что можно придумать из наказаний.

А к моему инструктору уверенной походкой от бедра шла та самая старшая медсестра Ирина. Шикарная девушка средних лет под стать bravому красавцу Николаевичу.

– Сколько можно летать? Я жду, волнуюсь, а ты вечно где-то! – ругалась Ирина на Николаевича.

– Ирочка, солнышко! Ну, служба у меня. Пойми...

– Ты мне про службу не рассказывай. В Забайкалье служба, я к тебе туда приехала. В испытателях тоже служил Родине. Теперь здесь...

Окончание разговора дослушивать не стал и заспешил в палату, где меня уже ждал сюрприз и не самый приятный. Три офицера с накинутыми на плечи халатами и большими чёрными портфелями теснились на кровати в ожидании моего прихода. Они были мне совершенно незнакомы.

– Курсант Родин, нам необходимо задать вам вопросы, взять с вас объяснительную и выяснить всё, что происходило вчера на полётах, – сказал первый из них. Халат съехал, и я смог увидеть погоны подполковника.

– Для начала, кто вы и почему я должен давать объяснительную, – спросил я, останавливаясь у своей кровати.

– Мы из комиссии по расследованию авиационного инцидента. Присаживайтесь, в ногах правды нет, – сказал подполковник и достал большую альбомную тетрадь.

– Правды, действительно, нет. Здесь должны быть представители моей части. Без них я не могу отвечать.

– Ну, мы же можем это опустить? – вклинился в разговор другой офицер, выглядевший гораздо моложе.

– Нет. Тем более, что здесь госпиталь, а мне предписан постельный режим, – ответил я, дверь за спиной открылась и вошла медсестра Саша.

– Ага, Родин! Немедленно в постель. Почему ходите? – наехала она на меня. Вовремя симпатяжка зашла! Эх, в любой другой бы ситуации закадрил бы, но Женечка у меня есть. Любимая!

– Мы из комиссии, девушка. Нам предписано...

– Писано, предписано. Когда выпишут, тогда и допрашивайте. Вас уже выгнали с реанимации, вы к начальнику училища хотели попасть. А здесь тоже люди лежат. В установленные часы и по разрешению лечащего врача. А если у него сейчас проблемы возникнут...

– Всё, всё уходим. Родин, мы ещё вернёмся, – сказал подполковник, и всё трио вышло из палаты.

Саша заулыбалась и принялась укладывать меня на кровать. Я попытался сопротивляться, но совсем немного. Нравится мне, когда девушки проявляют заботу. Главное, чтобы Женя не увидела.

– Давай я тебе чаю принесу. С малиной и пряниками мятными, будешь? – спросила Саша, двумя руками прижимая меня к кровати. Во девчонка настырная! Ладно, пока ничего критичного не происходит. Да и чайку со сладеньким хочется.

– Не откажусь.

Через десять минут в палате никого не было, кроме нас двоих. Солдат определили в помощь сестре-хозяйке, а дедушка-пенсионер вышел сам. Видимо, чтобы не смущать нас.

– Очень вкусный чай. Какая марка? – спросил я.

– Ой, да какая может у нас быть марка? Тридцать шестой. Не «Грузинский» же тебе нести. Я тебе сейчас ещё «Ландыш» принесу, – сказала Саша и выбежала из палаты. Какой ещё ландыш? Неужели в Союзе на этом цветке настаивали отвар какой-то? Или просто она мне за цветком побежала?

– А вот и я! Отрезала тебе кусочек, – вернулась девушка, протягивая мне тарелку с кусочком песочного торта с кремовым зелёным лепестком сверху. Так вот что за «Ландыш»!

– Очень вкусно. Большое спасибо, – сказал я, уплетая торт за обе щёки.

– Давай я тебе покрывало поправлю и подушку под голову положу, чтобы тебе помягче было сидеть, – подошла ко мне Саша и принялась поправлять покрывало в ногах.

Нагнулась она так, что халатик слегка задрался, открыв вид на симпатичные бёдра. Затем она нагнулась надо мной, да так, что, расстёгнутый в верхней части, халат не скрывал от меня её полной груди в белом нижнем белье. Вот что с ней будешь делать? Надо сказать ей, что я как бы занят уже. Есть у меня, кто поправит подушку.

– Хм, добрый день! – услышал такой знакомый для меня голос. Как же не вовремя!

– Привет, Женя, – сказал я, выныривая из-под халата Саши.

Глава 2

Картина маслом, Серега! Будь ты на месте своей девушки, чтобы ты подумал?

– Я... я не вовремя? – спросила Женя, совершенно растерявшись от увиденного в палате. И ведь ничего же не было. У меня руки даже заняты были.

– А вы к курсанту Родину? – спросила Саша, картинно застёгивая верхнюю пуговицу на халате. Так и знал, что специально обхаживала! Вот ты балбес, Серёга! Не распознал подставы. Тортиком тебя поманили с чаем, и ты про всё на свете забыл.

– Совершенно верно. Сейчас ведь часы посещения? – спокойно произнесла Женя.

– Верно. Ну, тогда... общайтесь. Я попозже зайду.

– Да не торопитесь. Девушка, вы, кстати, посуду забыли, – сказала Женечка, указывая на стоящую тарелку с пряниками, пустые чашку и блюдо.

Саша, явно недовольная появлением своей соперницы, всё же забрала посуду и вышла из палаты. Теперь мне предстояло что-то сказать. Можно вообще ничего не говорить, и тогда скажет Женя. И это будет хуже.

– Это не то, что ты подумала, – сказал я дежурную фразу для подобных случаев. – Меня только тортиком угостили.

– Конечно. Это выглядело именно как тот самый уход за постельными больными, Серёжа. Ну и как? Тортик вкусный? – спросила Женя, присаживаясь на кровать рядом со мной.

– Мне не очень понравился. Ел, чтобы не обидеть человека.

– Ну и хорошо. Раз ты такой голодный, вот тебе ещё, – сказала Женя, вынимая из тканевой сумки коробку с надписью «Сказка» и ценой – один рубль девяносто копеек. Это был ещё один торт.

Очередное детище советской кулинарии! Похожее на пенёк, на котором высажены грибочки, цветочки и ёжики.

– Там среди ингредиентов немножко коньяка есть. Чтобы повеселее тебе было, – сказала Женя и отвернулась в сторону.

– Женечка, ну ладно тебе. Хочешь, я пойду ей и скажу, чтоб ко мне больше не подходила. Так она работает здесь, ей указания дают, чтоб за мной следить. Она сама пристаёт, – сказал я, обнимая свою девушку.

– Смотри у меня, Родин. Я хоть и романтичная хрупкая особа, но сил хватит пощечину тебе залепить. И попробуй только мне ещё раз так самолёт приземлить, – не выдержала Женя и разрыдалась.

Мы сидели, пока она не успокоилась. Долго она держалась, чтоб не расплакаться. И с этой Сашей вела себя достойно. Не оскорбляла, но показала всем видом своё презрение.

– Значит, ни одной царапины? Чудо какое-то! А почему не воспользовался... ну этими... средствами аварийного покидания?

– Ты откуда таких слов набралась? – удивился я.

– Так мне близняшки рассказывали. И ты как-то, вроде на самом первом вечере в нашем институте. Помнишь, как ты нам читал Лермонтова? Я так заслушалась.

– Только заслушалась? Или ещё засмотрелась? – спросил я, обнимая её за тонкую талию.

– И засмотрелась. Ты в форме очень хорошо смотришься. Девчата так и хотели к тебе подойти, но я их... опередила. Серёжа, войти могут, – занервничала Женя, когда я снял с её плеч белый больничный халат. Она осталась в своём цветастом платье.

– Так... это, мы же просто общаемся, – сказал я, начав целовать её за ухом. Рука моя медленно опустилась на ягодицу девушки и стала пробираться под платье.

– Это уже не просто общение, а близкое общение, – улыбнулась она и стала гладить мою грудь.

Мои пальцы медленно ползли по нежной коже к самому тёплому месту женского тела. Женя задышала чаще, начав целовать мою шею.

– У нас давно с тобой не было... близкого общения, – прошептал я, и нежно прильнул к её губам.

Дверь в палату распахнулась, и в помещение вошёл совсем нежеланный сейчас человек. Кого угодно, только не его! В принципе, я вообще не хотел никого видеть ближайшие полчаса, а лучше час, кроме своей девушки.

– Здравствуйте, Дмитрий Александрович! А... вы тоже... к Серёже? – спросила Женя, вставая с кровати и накидывая на себя больничный халат. Во дела! Получается, что Женя знает подполковника Граблина?

– Добрый день, Женечка! Курсант... хм... Сергей – мой подчинённый в полку, – сказал Граблин, незаметно указав глазами на одеяло, намекая мне накинуть его на ноги. Действительно, разбушевалась у меня фантазия из-за долгого отсутствия близости с Женей.

– Это очень хорошо. Как поживает Сонечка?

– Всё хорошо, Женечка. Спасибо большое, что всегда интересуетесь ею, – ответил Граблин. Сейчас он выглядел добрым и приятным человеком. Интересно, что же связывает их? Может, семьи дружат?

– Я пойду, Серёж. Зайду завтра. Пока, – помахала мне Женя и, улыбнувшись Граблину, выбежала из палаты.

М-да, одна неловкая ситуация сменила другую. И с чего теперь начинать разговор с Граблей? Зачем он вообще пришёл?

– Родин, я тебя предупреждаю, если обидишь её, посадка в поле будет для тебя самым простым испытанием в твоей жизни, уяснил? – сказал Граблин, протягивая мне сетку с различными фруктами.

– Спасибо... точнее, понял, Дмитрий Александрович! – сказал я, встав с кровати и вытягиваясь в струнку.

– Сядь уже. И прикройся, – сказал он, снова намекая на мою выпуклость ниже пояса. – Давай, рассказывай, о чём спрашивали офицеры из комиссии?

Выводов комиссии можно было бы ждать очень долго, но каким-то непостижимым образом через неделю я уже сидел на контроле готовности к новым полётам. Было принято решение, что я всё же ещё раз должен слетать контрольный полёт по упражнению номер семь на допуск к самостоятельному вылету.

Перед посадкой в кабину я долго отрабатывал все действия с органами управления, ходил по бетонке, проговаривая весь маршрут полёта по кругу, и несколько раз сделал предполётный осмотр самолёта.

– Родин, чего ты мандражируешь? Посадил в поле и на полосу посадишь, – подбадривал меня Новиков, когда мы сели в кабину перед вылетом. – Морально нет проблем? Руки не дрожат?

– Нет. Ночью плохо спал.

– У тебя за два месяца лётной практики событий больше, чем у многих за всю жизнь. Это нормально, что ты волнуешься.

– Правда?

– Наверное. Надо у техников «массандры» попросить. Давай? И я с тобой за компанию? Естественно, от спиртного перед вылетом я отказался. Не хватало ещё, чтобы Ребров меня потом выдрал за это в своём полёте. Новикову-то всё равно, пару дней на гауптвахте в худшем случае дадут. А мне ещё учиться.

Слетали с командиром звена без замечаний. Похвалил, в очередной раз расписался в лётной книжке и представил Реброву. Одно меня беспокоило – головная боль. Никогда не

было такой раньше. А тут только начинаем разбег, и начинает нарываться. И ведь нельзя говорить, на обследование и спишут на раз-два!

В полёте с Ребровым ничего не поменялось. Боль так и не ушла. Если при полёте по кругу несильно может сказаться на результате, то вот в последующих полётах это будет отвлекать. Может, я как и Крутов? Вот так и отключусь в полёте! Он из-за сердца, а я из-за головы.

– Всё, Сергей. Комэска сказал, что ты готов. Вперёд, – подтолкнул меня к самолёту Нестеров. Мои товарищи тоже собрались на стоянке, провожая меня, словно в космос. Однако мысль о головной боли не давала покоя.

– Петр Николаевич, у меня тут проблема, – вернулся я к Нестерову.

– Родин, дольше, чем тебя, я ещё никого так не выпускал в самостоятельный полёт. Что случилось?

– Тут такое дело, у меня голова стала в полёте болеть после... ну случая с посадкой. Я не ударялся, не травмировался...

– Так, тихо, – Нестеров посмотрел на меня, взглянул в глаза и повернул голову несколько раз. – Шлемофонними и дай сюда.

– Пожалуйста, – сказал я, протягивая ему полётный головной убор.

– Курков, дай свой, – сказал Николаевич и Макс достал из кармана максимально свёрнутый шлемофон. – Одевай и лети.

Надев «говорящую шапку», я сразу ощутил, насколько большой «чайник» у моего товарища. На глаза, конечно, не съезжала, но свобода почувствовалась сразу.

Теперь в самолёте только я один. Никто не подскажет и не поможет. Твои командиры, Серый, доверили тебе самолёт, поэтому не поцарапай его.

Все необходимые проверки произвёл, а техник снаружи закрыл фонарь. Постучав три раза, он показал мне большой палец вверх и слез вниз. Теперь нужно загерметизировать кабину и проверить тормоза.

Я дождался, когда техники уберут колодки, педали в нейтральное положение и начинаю выводить обороты на «Максимал». Рукоятку тормоза держу на упоре. Самолёт на месте, значит, все хорошо. Осмотрелся по сторонам и можно рулить.

Через две минуты я вновь на полосе. Голова машинально повернулась назад, чтобы удостовериться – никого нет в задней кабине.

– Восемьсот восьмидесятый, взлёт.

– Восемьсот восьмидесятый, разрешил, – подал мне команду руководитель полётами.

Обороты «Максимал», закрылки во взлетном положении и двигатель зверски загудел. По достижению скорости сто шестьдесят километров в час, отрыв и набор высоты.

Продолжаю набор и увеличиваю скорость. Вот только сейчас можно с уверенностью сказать, что лечу я сам. Огромное желание ещё раз обернуться назад и проверить заднюю кабину. Пару раз даже нажал кнопку СПУ, чтобы спросить, есть ли кто на заднем сиденье. В ответ тишина.

Вот он, выход из четвёртого разворота. Впереди – посадочная полоса, сверху похожая на серый карандаш. Промелькнула мысль, что на неё тяжелее попасть, чем на поле. Оно шире было.

Всё лишнее быстро улетучилось, когда пришлось делать необходимые доклады руководителю полётами, выдерживать скорость, курс, высоту ещё и место контролировать. И всё это делал уже раньше, но я был тогда не один. А посадка на поле – лишь аномалия. Счастливого для меня исключение!

– Восемьсот восьмидесятый, дальний, закрылки полностью, сам, – выдал я руководителю в эфир.

– Восемьсот восьмидесятый, посадку разрешил.

Вот и полоса всё ближе и ближе. Выравниваю, обороты убрал, ручку плавно на себя, и скользящий взгляд влево. Ничего лишнего, только как учили.

Так, Серёга, посадочное положение и ручку задержать. Мягкое касание, держу нос, и даже замечаний нет от помощника руководителя со стартового командного пункта. Хороший знак!

Плавно торможу, и всё! Сел, слетал, выдохнул. И голова не болит. Видать шлемофон перепутал в казарме. Надо найти мою счастливую кожаную шапку с наушниками.

– Восемьсот восьмидесятый, поздравляем вас. Свершилось, – сказал в эфир руководитель полётами, намекая, что я долго шёл к этому важному рубежу в новой жизни.

На стоянке толпа была как никогда большая. Оказывается, мой полёт был крайним в этой лётной смене. Мне показалось, здесь собрался весь мой взвод и овации были соответственно громче, чем у всех. Так мне и сигарет не хватит раздать всем!

После минуты славы и нескольких подкидываний необходимо соблюсти формальность и представиться своему инструктору.

– Нестеров продолжал курить одну за одной. Он, наверное, полпачки скурил, пока ты летал, – сказал Макс, поздравляя меня. Действительно, рядом с отбойником, где и стоял весь полёт Николаевич, было много окурков. Вот мужик волновался!

– Товарищ майор, представляюсь по случаю первого самостоятельного вылета на самолёте Л-29! – доложил я Нестерову и протянул ему пачку «Казбека».

– Молодец! Ты у меня пятидесятый, юбилейный вылетевший самостоятельно. Поздравляю, – сказал Николаевич и крепко пожал руку. – А вы ничего не забыли? Я не слышал звонкого удара об стойку.

Традиции нужно соблюдать. Теперь и моя очередь приложится мягким местом к шасси.

Угостив техников папиросами, я распотрошил четыре пачки в шлемофон и с этим богатством зашёл в курилку после разбора полётов. Хватило на всех. Инструктора тоже угостились настоящим «вылетным» табаком. Комэска и командир звена получили свои персональные пачки от меня за подписью «880-й, сам».

Особо меня удивило, что руководитель полётами, которому тоже предназначался один «Казбек», был тот самый майор, который руководил в день моей посадки в поле. Он даже обнял меня.

Ну и как же без ложки плохого пахнущего вещества в этой торжественной смеси. Граблин был сегодня ответственным по полку и устроил нам несколько построений. Так я и не попал на КПП, где меня ждала моя Женечка.

Теперь полёты пошли интереснее и чаще. Нам уже стали доверять летать одним, а это ответственность.

– Перед каждым упражнением обязательно разбирайте на земле пошаговым методом. Проще будет в воздухе, – говорил Нестеров, занимаясь с нами на спортгородке.

Я заметил, что и комэска был не против такого варианта занятий на свежем воздухе, хотя остальные инструкторы, по слухам, с непониманием относились к этому. Думают, что это разлагает дисциплину, и курсанты ничего не учат. А по мне, так это лучше душного кабинета. И «пеший по лётному» сразу отработать можно.

– А как там группа Швабрина? – спросил Костя. – Так они и не вылетели?

– Никто не вылетел самостоятельно. Этот петуша... то есть, Швабрин, получил от исполняющего обязанности начальника училища строгий выговор. Его даже дядя не спас, – сказал Николаевич.

– И кто у него дядя? Здесь есть вообще простые люди? – негодовал я. Хотя, чему я удивляюсь, когда мне самому приходилось обращаться за помощью к людям со связями.

– Как кто? Замполит, полковник Борщёв.

Я смотрю, что этот человек с очень кулинарной фамилией, постоянно попадает на комовстве. То зять у него Граблин должности меняет по щелчку пальцев. Теперь вот племянник перспективный. Может, где-нибудь ещё кто-то из этого «супового» клана всплывёт.

– Николаич, Родин с тобой? – крикнул Ребров из окна штаба полка.

– Да, к вам отправить?

– На «максимале» пускай мчит!

И к чему такая спешка? Пришлось срываться с места и бежать со всех ног.

– Родин, а ну, тормози! Не торопись, а то успеешь, – остановил меня Нестеров. – Ты ещё около двери будешь стоять полчаса, чтобы попасть к Реброву.

– С чего вы так решили, Николаич? – спросил Артём, оторвавшийся от «пешего» выполнения виража.

– Рыжов, ты сколько в армии? Правильно, год! А я семнадцать лет.

У кабинета я действительно задержался надолго. Нестеров на пару минут ошибся со своим прогнозом о длительности времени ожидания. Комэска в это время рассказывал об объёме трудотерапии, который ожидает техника самолёта, попавшегося на злоупотреблении спиртным.

– Саныч, отсюда и до обеда копать! Ты посмотри на него! Чего трясешь своей мордой лица, Гудкин? Ты сколько уже раз на гауптвахте сидел? – доносился до меня голос Реброва.

– Так... ик... на той... ик... неделе только раз сидел, товарищ подполковник, – проговорил обвиняемый, периодически икая.

– Это на той неделе, а до этого? Со мной комендант по соседству живёт, так он тебе предложил комнату выделить на «губе» на постоянной основе. Ты ж там почти столько же, сколько в общаге своей появляешься. Саныч, лопату, а лучше две, и копать, – обратился Ребров к кому-то третьему в кабинете.

– Таки копать-то что? Вроде нечего, – сказал Саныч.

– Яму под туалет. Только сначала сам туалет пускай сделает, а потом яму копает. Да поглубже. Свободны, товарищи.

Как только кабинет освободили, пришла моя очередь. Внутри стоял отчётливый запах перегара. Что же он пил, этот Гудкин? От такого и в ящик сыграть недолго.

– Родин, не закрывай дверь. Амбре надо выветрить. Так, а чего пришёл?

– Вызывали меня, не так ли?

– Ах, да! Замполит полка мне всю плешь проел. От Борщёва ему, видите ли, команда пришла, что надо тебя ему срочно в рабство отдать. Времени у тебя... час.

– Товарищ подполковник, в полётах я участвую, а как же это... – попробовал я отбиться от подобного мероприятия.

– Не нуди. Если хочешь что-то сказать, то лучше помолчи. Без тебя тошно. Форма одежды парадная и вперёд. Потом можешь в увольнении до вечера остаться, но в двадцать один ноль-ноль в казарме как штык стоять должен! – сказал Ребров.

– Есть, разрешите идти? – спросил я.

– Дверку прикрой плотнее и останься на минутку.

Ребров, пока я закрывал дверь, достал пачку «Союз-Аполлон» и закурил.

– Вот, решил попробовать. Новые, недавно появились. Короче, Родин, ты нормальный парень и можешь летчиком отличным стать. Не встречай в такие стычки, как у тебя была со Шваброй... блин, с лейтенантом Швабриным. Понял?

– Так точно, товарищ подполковник. Он меня по этому поводу вызывает? – спросил я. Главное, чтоб теперь Нестерова не подставить, что он нам всё рассказал о семейном подряде Борщёва.

– Вот там у него и спросишь. Аккуратнее будь... – начал говорить Ребров, но его оборвал звонок телефона. – Да. Я, товарищ полковник. Проинструктирован и отправлен к вам. Понял, есть!

– Это уже меня ждут? – спросил я, когда Ребров положил трубку.

– Новая вводная – бежишь в актовый зал.

Торопился я, как будто меня ужалили в одно место. Ещё раз проверил целостность парадной формы, поскольку не всегда можно найти её в шкафу в полном комплекте. Как обычно, перед выходом в увольнение, у кого-то что-то да отсутствует. Курсовка оторвалась, шеврон криво пришит, петлицы вверх ногами, точнее, эмблемой и так далее. Можно и вовсе не найти форму на месте, поскольку кто-то её взял в наряд по штабу. На летной практике, конечно, таких нарядов нет, но на центральной базе училища такие проблемы с пропажей всего комплекта возникали.

Всё же, в назначенное время я успел. Большое помещение актового зала оказалось пустым. Что за розыгрыш?

– Так, сейчас мы с вами... а вот и курсант Родин, – прозвучал голос Борщёва за моей спиной.

Я вытянулся в струнку, но полковник жестом указал мне расслабиться. С ним в зал вошли двое мужчин и девушка, явно переборщившая с подготовкой к выходу на улицу сегодня. Помада была ярко-красной и не сочеталась с загорелой кожей. Однако, Борщёв всячески оказывал ей внимание, мягко держа её за руку.

– Располагайтесь, а вы, Родин, на минуту, – подозвал он меня к себе, и мы вышли за дверь.

– Товарищ полковник...

– Тихо. Я тебя предупреждаю, никаких лишних фраз и рассказов про спасение генерала, иначе я не закрою глаза на пререкания с лейтенантом Швабриным, понял? – прошипел он на меня.

– Понял... а что я должен...

– Расскажешь, как тебя хорошо подготовили отцы-командиры, про преподавателей и командование училища не забудь. Запоминаешь? – продолжил Борщёв, но пока осознания не было, зачем меня сюда позвали. Непохожи эти гражданские на комиссию или прокуратуру. На КГБ тоже. Чекисты бы давно меня уже допросили бы. В этот момент дверь открылась и в коридор выглянула девушка.

– Товарищ военный, интервью уже надо записывать.

Глава 3

Задача, поставленная мне Борщёвым, была выполнена. Я во всех красках рассказал, как мы с генералом Крутовым приземлили самолёт в поле.

Замполит – тот ещё хитрец, ничего не сказал мне про выводы комиссии по расследованию. А они, оказывается, есть! Вот журналистка про них знает, а я нет.

– Комиссия предварительно определила причину – попадание птицы в воздухозаборник, в результате чего выключился двигатель. Как ты смог помочь командиру экипажа? – спросила она, протягивая мне микрофон.

– Я... действовал согласно Инструкции лётчику. Так меня учили инструктор и командиры, – ответил я, но взглянув на замполита, решил и ему спеть дифирамбы. – Очень в этом помогли наставления нашего многоуважаемого полковника Борцова, который с самых первых дней прививал нам усидчивость в учебе и службе.

Замполит немного зарделся, но отметил мой прогиб утвердительным кивком головы, мол, все именно так и было.

– Чувствовал ли ты в себе силы справиться с этой задачей? – спросила она.

– Конечно... отцы-командиры и весь постоянный состав училища хорошо меня подготовили. Да и как можно подвести командира, который доверяет тебе в полёте.

– А как тебе удалось, потом вытащить на себе генерала Крутова? Во время посадки он получил травму и надолго отключился, – спросила журналистка, продолжая держать передо мной микрофон, подсоединённый к небольшому чемоданчику с катушками магнитной ленты и надписью «Репортёр-3».

– Это... это всё заслуга преподавателей, которые привили нам любовь к занятиям по физической подготовке. Как же я мог оставить там командира? Мы своих не бросаем.

– Очень хорошие слова – «Своих не бросаем!». Это твой девиз по жизни?

– Это генетический код нашего народа. Народа-победителя.

Интервью вышло так себе. Всё время приходилось упоминать преподавателей, командование и инструкторов. Надеюсь, Борщёв доволен, какую я сделал им рекламу.

Увольнение решил провести со своей Женечкой на берегу ласкового и тёплого моря. Сейчас самый разгар сезона. Отдыхающих много, пиво и напитки текут рекой, девушки манят своими аппетитными формами...

– Куда смотришь, Сергей? – толкнула меня в бок Женя, когда я засмотрелся на одну прелестную тётю с четвёртым размером. Купальник ей явно маловат!

– Я... мороженое хотел тебе купить, вот и выбираю – где.

– Ага, рассказывай! Может, на наше место пойдём? – спросила Женя, намекая на ту самую тихую полянку.

– У меня сегодня что, хороший день? – спросил я.

– Это зависит от того, как ты себя будешь вести.

Намёк был мною понят правильно, и мы прибавили шагу. Давно нам не получалось уединиться.

И вот теперь она опять рядом со мной. Тёплый ветер и шум ласкового моря. Оно, кажется, всегда будет таким. Даже через сорок лет, когда я впервые приехал сюда. Но сейчас мои мысли лишь о ней. О прекрасном и нежном создании, что ласкает моё тело, осыпая его своими поцелуями.

Волна желания и восторга, любви и страсти накрывает буквально с головой, когда ты чувствуешь её и наслаждаешься каждым стоном и вздохом.

Ей не нужно угадывать, как доставить мне удовольствие. От одного прикосновения к телу моей любимой внутри меня всё бурлит и возбуждается.

Мои прикосновения доставляют Жене не меньшее удовольствие, а возможно, и большее. Каждый поцелуй тела, груди, живота и ног отзывается в самом потаённом месте, и там я чувствую, что она содрогается в сладкой истоме.

Когда все случилось, слов уже не найти. Я ощущаю, что она не может говорить, а только стонет от наслаждения. А я не могу издать хоть какой-нибудь членораздельный звук. Шум моря теперь где-то там позади.

– Ооо, как же я люблю тебя, – говорит Женя, когда мы приходим в себя.

– Ага, – сказал я, ощущая, как во рту сильно пересохло.

– И это всё? – медленным и уставшим голосом проговорила она. – Я вот буквально... заново родилась, а ты?

– Ага, – снова ответил я, ощущая полный упадок сил. Даже не знаю, хватит ли меня на повторный.

Над морем пронеслась четвёрка МиГ-17. Ровным строем в правом пеленге. Чуть больше чем через год нам предстоит изучать эту машину, а позже и освоить её. Лучшее, что могло быть сейчас со мной – любовь и самолёты.

– Так! О чём ты сейчас думаешь, Сережа? – спросила Женя, нежно опустив руку вдоль моего тела и остановившись у того самого места.

– Думаю, что именно так я представлял себе службу в Военно-воздушных силах.

Очередной лётный день и сегодня мы с Нестеровым летим по, пожалуй, одному из самых интересных полётных заданий на данном этапе обучения. Дальше будет, конечно, ещё круче, но всё должно быть постепенно.

– Порядок помнишь, что и когда начинаем выполнять? – спросил Николаевич по внутренней связи, когда мы были на подлёте к пилотажной зоне.

– Да, вираж с креном сорок пять и шестьдесят градусов, восьмёрка, пикирование, «горка», спираль и возврат на имитации.

– Виражи опустим. Для тебя это несложно. Спираль тоже. Имитацию ты уже на практике отработал. Как насчёт «штопор» попробовать самому? – спросил он.

– Согласен. Начнём с пикирования и «горки»?

– Начинай. Выпускай тормозные щитки.

Щитки выпустил. Скорость двести пятьдесят километров в час проконтролировал, наметил ориентир для разворота и выполняю его. Крен держу в сорок пять градусов и начинаю убирать обороты. Пошло пикирование!

– Обороты плавно. Скорость уже четыреста пятьдесят. Готовься к выводу, – подсказывал сзади Нестеров.

Плавно взял ручку на себя, вывожу самолёт и добавляю обороты, убираю щитки. Теперь будем карабкаться вверх.

– Выполняю «горку», – сказал я, установив на приборе скорость пятьсот пятьдесят. Снова ручку управления самолетом на себя и задираю нос на угол кабрирования в тридцать градусов. Скорость начинает падать, а высота расти.

– Угол тридцать и ручку немного от себя. Вот так и зафиксировал! Хорошо, – отметил Нестеров.

Скорость уже триста километров, а значит, выполняю разворот влево и ручку от себя, выравниваясь по линии горизонта.

– Ну, нормально. Обороты выставляй, чтоб скорость была двести пятьдесят. Высота четыре тысячи, давай начинать «штопор», – сказал Николаевич.

– Понял. Обороты на «Малый газ».

Рычаг управления двигателем выставляем в соответствующее положение. Ручку управления на себя, чтобы установить скорость сто семьдесят, и правую педаль отклоняем до упора.

Самолёт затрясло. Началось биение педалей, и они стали явно тяжёлыми, чтобы изменить их положение. Пошло вращение, и самолёт начал резко снижаться.

– Теперь вместе выводим. Один виток был, – сказал Нестеров.

Левая педаль пошла до упора против направления вращения, чтобы остановить его. Ручку управления самолётом от себя и снова переходим на пикирование.

– Скорость триста пятьдесят, выводим, – сказал Нестеров и вместе со мной перевёл самолёт в горизонтальный полёт.

– Самому мне бы не получилось вывести.

– Научись. В следующий раз наберём больше высоту, чтоб ты ещё почувствовал момент с началом вывода.

Как мне подсказывает мой опыт, после полётов и перед ними лётчику должен предоставляться отдых. А то потом начинаются разборки с медиками, которые отстраняют тебя за нарушение предполётного режима.

Подъём на полёты в три часа ночи? Будь добр в девятнадцать спать. И не волнует, что ты не хочешь, и за окном светит солнце, а ты не можешь уснуть, поскольку соскучился по своей девушке.

Так вышло и с нашей четвёркой. Решили мы разжиться шелковицей, которая росла около казармы. Как маленькие дети, побежали нарвать, чтоб заточить перед сном. И ты туда же, Серёга! Лет тебе сколько? А ты всё по деревьям скачешь.

– Да что будет? – говорил Артём, залезая на дерево. – Наберём и в казарму. Медик и не увидит.

– Давай, только быстрее. Вот пакет, – сказал Макс, протягивая выстиранный пакет от пирожков, переданных нам девушками.

– До сих пор жареным пахнет, – сказал Артём, закидывая одну за одной спелые, тёмные ягоды.

– Тёма слезай. Всё не сорвёшь, – сказал я.

– Конечно. Помыть не забудьте только потом, – сказал кто-то позади нас.

Это был начальник медицинской службы полка с традиционным рейдом перед полётами. На завтра уже можно не рассчитывать полетать.

Утром нас, естественно, отстранили от полётов до следующего дня. Нестеров на этот счёт обычно говорит мало. До сегодняшнего дня у нас не было подобных пропусков.

– Блин, вы чего мне не позвонили домой вчера? – сказал он, когда мы сидели в курилке в ожидании окончания построения нашей эскадрильи.

– Так звонили, а у вас короткие гудки. И несколько раз. Дежурный по части орал как резаный, что мы не спим перед полётами и бегаем к нему постоянно.

– А чего вчера... ах да. Ирина мою любимую... запеканку, короче, сделала.

Интересное название для романтического вечера. Нестеров со своей медсестрой умеют устраивать себе праздники. Даже телефон отключают.

– Так, Петр Николаевич, ты в класс эскадрильи, а этих в штаб на второй этаж. Там работа есть. Доподготовку, смотри, не забудь провести, – сказал Ребров, зашедший в курилку.

– А что за работа, товарищ подполковник? – спросил Макс.

– Из болота тащить бегемота, Курков. Я откуда знаю. Тебе там покажут и расскажут.

Большую часть второго этажа штаба полка занимали рабочие кабинеты и классы подготовки. Но дальние помещения были в очень плохом состоянии и требовали ремонта. Чем периодически и занимались курсанты, солдаты и офицеры. Это была некая трудовая повинность или лагерь для провинившихся. Хуже было только, если заставят убираться в аэродромном туалете. Там вообще зона отчуждения.

Переодевшись в рабочую форму, мы прибыли к месту отбывания исправительных работ. Встретил нас какой-то прапорщик, отвечающий за эти помещения.

– Ребятушки, ну вам осталось самое простое. Вон там машина на заднем дворе, – указал он на старый бортовой ГАЗ-63. Хотя, как старый. Для меня да, а в эти годы это ещё ого-го автомобиль!

– И что сделать? – спросил Костя.

– А вот мешки и загрузить. Решили место освободить, а то весь коридор захламили.

– Понятно, что их ни разу не выносили. Здесь хлама, с которого ещё один штаб построить можно, – жаловался Артём, осматривая кучу мешков с различными деревяшками, мусором, стёклами и камнями.

– Пожалуйста, можете с предложением выйти к командованию. Только мешки отсюда вынесите, а потом предлагайте.

Началась очередная тренировка на выносливость. Чтобы снести кучу этих мешков, вроде, сил надо немного. А вот путь преодолеть надо колоссальный.

Уже на третьей ходке, мы начали выбиваться из ритма. Ещё и мешки пошли весом, соответствующим надписи на них — пятьдесят кг.

– Так, это не дело, – сказал я, смотря вниз со второго этажа. – А чего машина так далеко? Может, пододвинем её.

– Во, голова! Шас, – обрадовался Костя и рванул вниз.

Водителя он не нашёл рядом с машиной, зато смог он сам завести ГАЗик и подъехать вплотную к зданию.

Вот и работа пошла быстрее. Мешки летели вниз, точно в кузов автомобиля. И никого не смущало, что неравномерно ложатся эти «бомбы», пятидесятого калибра.

– Так, этот с чем-то лёгким. Завернуть, чтоб не разлетелся, – сказал Макс и отправил в полёт мешок. Он приземлился в кузов рядом с кабиной.

– Мужики, а вот этот потяжелее будет. И поберегись, – следующий снаряд отправили Артём с Костей.

Шандарахнул он так, что пробил кузов, а край доски подкинул вверх облегчённый мешок, недавно брошенный Максом. Словно в замедленной съёмке, я смотрел как, эта планирующая неуправляемая бомба подлетела и приземлилась у ног... Доброва, который зачем-то ходил за штабом, общаясь с каким-то гостем.

Полковник поднял голову вверх, заметив меня, стоящего у окна. Товарищи мои оказались хитрее и спрятались, а вот мне досталось.

– Родин, в кабинет ко мне после окончания работ. И приведи себя в порядок, – крикнул мне Добров и погрозил кулаком.

Работу пришлось завершить очень быстро. Благо оставалось несколько мешков. Пока я умывался в казарме, пытался вспомнить того человека, с которым был Добров. Лицо знакомое и, как показалось, уже где-то я видел его.

Парни молчали. Видимо, подумали, что начну сейчас истерить по поводу, что только я один залетел из-за этого «летучего» мешка.

– Серёга, у тебя ж есть право на ошибку. Всё-таки самолёт посадил в поле. Может, обойдётся? – переживал Макс, умываясь рядом со мной.

– Кто ссыт, тот гибнет. Знаешь такую фразу? – сказал я, не отрываясь от своего отражения.

– Теперь буду знать.

В приёмной командира полка сидела милого вида женщина с накрученными тёмными волосами и бесцветным маникюром. Перед ней на столе лежали несколько папок для документов по различным категориям: рапорта, накладные, полёты и так далее. Стояла пара чёрных

телефонов, которые периодически звонили, но всем женщина отвечала, что у Доброва совещание.

Пока я сидел, секретарь медленно поливала из лейки каждое из присутствующих здесь растений. Местный ботанический сад был богат на всякие герани, кактусы, фикусы и других комнатных жителей. Особое место занимала здоровенная пальма, вымахавшая почти до потолка.

– Девушка, у меня приказ командира прибыть к нему. Не могли бы вы у него уточнить...

– Давно я уже не девушка. А вы Родин? – спросила она, присаживаясь за стол.

– Так точно.

– Вот именно вас и ожидают. Можете проходить, – показала мне секретарь на дверь кабинета. – Слышала, вы недавно проявили себя? Не страшно было?

– Глаза боятся, а руки делают. Сильно жить захотелось, вот и посадил самолет.

– Что ж вам на земле не сидится тогда? – спросила она, уже не улыбаясь как ранее.

– «Испытай один раз полет, и твои глаза навечно будут устремлены в небо» – ответил я ей фразой Леонардо да Винчи.

– Вот и мой отец так же говорил, когда уходил на полёты. И в Корею также попёрся за своим командиром. Так там и остался. Может, вы скажете, за что или почему? – с грустью в голосе, сказала она.

– Я слышал одну хорошую фразу, что не нужно задавать себе вопросов «за что» и «почему». Нужно спросить самого себя «для чего». Мы служим своему народу, а больше некому. Я бы на вашем месте гордился отцом.

– Вы очень умный молодой человек. Не по годам, я бы сказала.

В кабинете Доброва, помимо него, был тот самый человек, с которым он прохаживался за штабом полка, и чуть было не получил в голову самодельной бомбой типа «мешок».

– Бомбометание отработали? – усмехнулся полковник, а гость поддержал его.

Именно сейчас я, наконец-то, вспомнил, где видел этого человека, одетого в светло-синюю рубашку с коротким рукавом и тёмные брюки. Он стоял за столом нашего взвода на присяге. Тогда я не сразу приметил у него на пиджаке звезду Героя Советского Союза.

– Виноват, товарищ полковник. Решили рационально подойти к решению поставленной задачи, – сказал я, но двое взрослых мужиков продолжили улыбаться.

– То есть, рационально было использовать кузов старой машины как катапульту? Вы меня поражаете, Родин, – сказал Добров.

– Виноват, товарищ полковник. Не учли прочность и усталость конструкции.

М-да, похоже, эти два больших дяди собрались надо мной посмеяться. Теперь их веселый смех перерос в откровенный ржач.

– Садись, Сергей. Я ж говорил, он вылитый отец, – сказал Добров своему гостю.

– Согласен с тобой, Гена. Давайте познакомимся, молодой человек. Василий Сергеевич Котлов, – сказал гость и протянул мне руку.

– Это... это для меня... честь, – опешил я, узнав кто передо мной.

Василий Котлов, заслуженный лётчик-испытатель СССР, участник Великой Отечественной войны и войны с Японией, а также Вьетнамской войны. Один из лучших лётчиков своего времени.

Был примечательный эпизод во Вьетнаме. Он выполнял полёт за инструктора с вьетнамским лётчиком на МиГ-21. Им пришлось вступить в бой с американскими истребителями, в ходе которого удалось сбить один американский Ф-4 «Фантом». За это он получил звание «Почётный гражданин города Ханой» и... выговор от командования за нарушение приказа не вступать в бой.

А задолго до этих событий, в 1957 году он был удостоен звания Героя Советского Союза, за мужество и героизм, проявленный при испытаниях новых видов авиационной техники.

– Да, прям-таки, честь. Мне самому приятно, что растёт такая смена у нас. Скоро таким, как ты, придётся двигать вперёд нашу авиацию. Может, позволим ему присесть, Геннадий Павлович? – обратился Котлов к Доброву.

– Согласен. Садись, Родин. Ты к завтрашним полётам готов?

И как теперь быть? Доподготовку мои ребята проходят в эти минуты, а я у командира сейчас должен сказать, что всё хорошо? Врать нельзя. С другой стороны, я же реально готов.

– Готов, товарищ полковник.

– Прекрасно. Даже врать научился уверенно, да, Василий Сергеевич?

– Конечно. Парень уже с комиссией разговаривал, а ты тут его доподготовкой проверить решил. Не сдаёт он командиров своих. Молодцом, Сергей!

– Спасибо, – сказал я. – Если честно, я не понимаю причины моего вызова, если только вы, Василий Сергеевич не хотите мне кое-что рассказать. Думаю, вы знаете о чём.

– Конечно, знаю. Это нормально, что ты ищешь правду о своих родителях.

– И вы можете мне что-то рассказать?

Глава 4

В нашем разговоре возникла длинная пауза, которую я не спешил нарушать. Слабо верится в то, что такой серьёзный по своему положению человек, как Котлов, будет делиться со мной подробностями своей работы во Вьетнаме.

– Сергей Родин, то есть твой отец, работал вместе со мной по одной из задач в этой стране. Мы выполняли... больше, исследовательские задачи.

– А как же обучение лётчиков Вьетнама? – перебил я Котлова. Он переглянулся с Добровым, будто искал какого-то объяснения моей осведомлённости.

– Ты же знаешь, Геннадий Палыч, что наши действия «там» были под грифом, – сказал Котлов и встал из-за стола. – Хочешь парню испортить жизнь?

– Я не рассказал ему чего-то сверхсекретного, да я и не знал. А ты знаешь. Намекни, хотя бы. Родин же не дурак, правильно, Серёга? – сказал Добров, подмигнув мне.

– Не дурак. Поэтому и поймёт, что лезть в это дело ему не следует. Тебе тоже, товарищ полковник, – сказал Котлов, подойдя к окну и выглянув на улицу. – Прекрасная погода, море, зелень – чего вам двоим ещё нужно?

– Так вы мне расскажете или нет, Василий Сергеевич? – спросил я, на что Котлов слегка насупился.

– Настырный ты, Сергей, – сказал Котлов и подошёл ближе ко мне. – Твой отец работал под моим началом, но моя командировка закончилась до его гибели. Естественно, о нашей работе я не имею права тебе рассказать.

– Но есть те, кто могут, верно? – уточнил я.

– Они всегда есть. Человек по фамилии Платов тебе нужен. Он был там и до, и после меня. В нашей работе Платов был куратором. Это всё, что я знаю.

Нечасто последнее время у меня есть силы, чтобы заняться своей физической подготовкой. Зарядка-то не всегда проходит в связи с ранними полётами, а уж самому позаниматься вообще без вариантов. Я был рад, что сегодня можно себе выделить часок для пробежки.

– Тёма, ты смотри аккуратнее. Кеды у тебя одни, – говорил Макс, наблюдая, как Артём вываривает свои кеды советского производства в хлорке.

– Да знаю. Я плитку выпросил у старшего курса за пару коржей из кулинарии, чтоб выбелить до уровня «Двух мячей».

В своё время те, кто из нас занимался спортом в училище, подбирали тщательно себе кроссовки для бега. Правильная подошва, вес, подъём – учитывалась любая мелочь. Не всегда это влияло на результат, но тогда этого никто не понимал. Для плавания и вовсе было куча штук и примочек.

В Советском союзе не всё так просто было со спортивной обувью. Это у себя в настоящем времени можно было выбрать из сотен типов кроссовок те, что подходят тебе. А здесь фабрика «Красный треугольник» выпускает для тебя кеды по цене четыре рубля за пару. Цвета только красный, чёрный или синий. Но самые модники искали себе белые китайские кеды «Два мяча» с тонкой синей полоской и соответствующей надписью.

– Зачем это тебе? – спросил я у Артёма, когда шёл на пробежку.

– Ты чего, Серый? На танцах это самая модная штука – белые кеды. Давай и твои сделаем?

Конечно, я отказался от такого апгрейда своей обуви. Во время бега осмысливал сегодняшний разговор в кабинете у Доброва.

Естественно, что об участии наших военных в боевых действиях против США во Вьетнаме нигде не сообщалось. Завеса тайны и хоть какие-то воспоминания попадут в прессу ещё не скоро.

Вот и получится, что людей, выполнявших свой интернациональный долг, награждать будут за его выполнение, а вот признавать ветеранами боевых действий не станут.

По крайней мере, мне известно, что у человека по фамилии Платов есть информация по семье Родина. Может, удастся разговорить Леонида Краснова, когда приеду домой в отпуск. Это будет ой как не скоро! Домой отпустят только в октябре после сессии.

Перед сном моей группе довели очень «радостную» новость – завтрашние полёты я и Макс будем выполнять с Граблиным.

Нестеров приболел и появится только в понедельник. С кем-то нужно будет долетать один лётный день на этой неделе. За неимением свободных инструкторов, а может, просто, желающих не нашлось, шефство над нами взял целый заместитель командира по лётной подготовке.

– Итак, товарищи курсанты, довожу порядок выполнения полета по упражнению номер четырнадцать... Что это за упражнение, Курков? – опрашивал нас Граблин на стоянке около самолёта.

– Полёт по маршруту, товарищ подполковник, – громко доложил Макс, перекрикивая гул двигателя запускающегося рядом Л-29.

– Слабо, Курков. Упражнение называется «Полёт по маршруту на визуальную ориентировку с использованием радиотехнических средств». Именно так и нужно докладывать, – сказал Грабля. Вот любит он придраться к каждому слову!

Дальнейшие его слова было трудно разобрать, поскольку рядом стали проруливать самолёты на предварительный старт. Особенно смущал запускающийся борт. Когда он вырулит, струей воздуха можно будет нас сбить с ног. Но Граблин, похоже, этого не замечал.

– Товарищ подполковник, вас снесёт! – кричал ему Макс, заметив, что борт начинает выруливать со стоянки.

– Курков, слушай меня и запомина... ай!

Самолёт слишком резко вошёл в поворот. Мощным потоком Граблина отбросило к нам на руки. Да и нас самих потянуло назад.

– Номер борта... запомнить и мне доложить после полётов. Выполняйте предполетный осмотр самолёта, Родин. Время уже взлетать, – злился Граблин, оттолкнувшись от нас.

– Как пинка под зад дали, – ухмылялся Макс, когда мы осматривали самолёт. Согласен, что спесь с Грабли сдуло моментально после такого неофициального полёта.

В воздухе он постоянно что-то требовал. Расскажи ему, сколько времени продолжается полёт, показания приборов, что за деревню пролетели десять минут назад, какую пролетим, если введём поправку в курс и так далее. Нет бы просто лететь и наслаждаться погодой!

– Не знаю, Родин, как вам удалось посадить самолёт без шасси в скошенном поле. Вы же ничего не знаете! – сказал Граблин по внутренней связи. Этот вывод он сделал уже на середине маршрута.

Мы как раз пролетали косу Долгую, на которой самые чистые и песчаные пляжи во всём Белогорском районе. Я уже представил себе, как мы с Женей приедем сюда, когда у меня будет увольнение на этой неделе.

– Засмотрелись? Отвлекаетесь ещё и от пилотирования, Родин? – не унимался Граблин. – За такой полёт останетесь у меня в субботу в казарме.

– У меня все параметры в норме. Я веду осмотрительность, – пытался я оправдаться, но подполковник был другого мнения.

– Вам не повредит пару часов дополнительных занятий. Я как раз ответственный в субботу по полку.

Вот чего он докопался до нас? Есть у тебя тёрки с Нестеровым, так и решай их с ним. Нас зачем трогать?

В этот момент в эфире прозвучал сильно встревоженный голос. Это был Артём.

– Восемьсот восемьдесят второй, в зоне отказ двигателя! – доложил он.

В этот момент я совершенно забыл о своём задании и стал переживать за товарища. Только бы не геройствовал и прыгнул, если не сможет вывести. Тем более что сегодня у Рыжова самостоятельный полёт без инструктора.

– Внимание, всем режим радиомолчания! Восемьсот восемьдесят второй, номер зоны и высота? – запросил руководитель полётами, явно волновавшийся в этот момент. В ответ в эфире была тишина.

– Командир, вы тоже слышали доклад об отказе двигателя? – спросил я. Сейчас вообще было не до полёта по маршруту.

– Да, Родин. Это Рыжов?

– Так точно. Почему молчит? – сказал я, прослушивая запросы руководителя полётами. Граблин ничего не ответил на мой последний вопрос.

– Восемьсот восемьдесят второй, пожар двигателя! Высота четыре тысячи! – снова в эфире доклад Артёма. Значит, двигатель запустил, но произошёл пожар. Высоты ему хватает, чтобы катапультироваться. Про себя думаю, что хоть бы сейчас всё обошлось. Двигатель вряд ли будет работать после пожара.

– Восемьсот восемьдесят второй, закрой пожарный кран, «Малый газ»! примени систему пожаротушения! – давал команды руководитель полётами.

И снова тишина в эфире. РП волновался ещё сильнее. Два отказа на один самолёт в течение двух минут – перебор!

– Восемьсот восемьдесят второй, прохожу дальний, три зелёные не горят, шасси не вышло, ухожу на второй круг, – снова доклад от Артёма. И как это он так быстро на посадку стал валиться?

– Он же сгорит сейчас вместе с самолётом, – сказал я Граблину, нажимая на СПУ.

– Почему он не прыгает, Родин? – спросил Граблин. Судя по голосу, он тоже весьма нервничал. Представляю, каково сейчас Тёме. Третий отказ и всё ещё летит! Не самолёт, а самый настоящий танк!

Пара минут в эфире была тишина, а потом, неожиданно, руководитель полётами запросил меня.

– Восемьсот восьмидесятый, задание закончили?

– Сопка, я Восемьсот восьмидесятый, конечный пункт маршрута, разрешите на привод, далее заход по кругу?

– Восемьсот восьмидесятый, разрешил.

Голос руководителя звучал спокойно, без каких-либо печальных или нервных нот.

– Значит, нормально всё с твоим другом, Родин. Молодец, Рыжов! – сказал Граблин по внутренней связи.

– Выпало же ему испытать сразу три отказа. И самолёт выдержал...

– Выдержал, Родин. Не отвлекайся и пилотируй. И снижение не проспи, а то будешь потом валиться после привода к первому развороту, – перебил меня Грабля. До чего же чёрствый тип! Мог бы и обсудить со мной такой случай. Сейчас опять комиссия приедет, небось. Эх, невезуха какая-то у Доброва с этим полком и нашим курсом!

После посадки я внимательно посмотрел по сторонам в поисках той самой «элки», которая столько пережила с моим товарищем.

К нашему самолёту уже бежал Макс, чтобы помогать готовить его к повтору. Граблин не стал обсуждать со мной полёт, а заспешил к руководителю полётами, чтобы узнать об инциденте.

– Где Тёма? Как он? – спросил я, но Макс смотрел на меня с недоумением.

– Да нормально всё. Пошёл на КДП сейчас. Ты чего так нервничаешь? – сказал Макс, вставляя заправочный пистолет в горловину с левой стороны кабины.

– Как чего? Три отказа у парня, а ты говоришь чего! Как он сел? Ты... ты чего ржёшь? – сказал я, толкая в грудь Макса.

– Просто, я... вспомнил... ой, не могу! – продолжал смеяться Макс. – Вспомнил, как... орал... на него Новиков после... да вон смотри, – указал он мне на дорожку со стоянки, где Ребров вовсю отчитывает Артёма.

– Чего мямлишь, Рыжов? Паровозный гудок ты на Белогорском вокзале, а не курсант! В эфир ты громче говорил, – кричал Ребров на него.

– Виноват, товарищ подполковник. Там аккумуляторы и автомат защиты сети «Радио» были включены. Ну, я ж правильно всё делал...

– Рыжов, ты если балбес, так и скажи. Нечего мне самолёты ломать. Быстро на борт! Устрою я тебе выходные на тренажном самолёте, чтоб ты всё правильно делал! – указал комэска на стоянку самолетов, и Артём сорвался с места, пока ничего нового не узнал о себе.

Макс продолжал смеяться, совершенно не замечая, что к самолёту уже спешит Граблин.

– Забыл... говорит, – не успокаивался Курков.

– Макс следи за топливом. Перельёшь! – крикнул я.

– Да всё я контролирую... вот зараза! – выругался он, когда его обдало вырвавшимся фонтаном керосина. Как раз в этот момент пришёл Граблин.

Конечно, ему было сейчас не так весело, как Максу минуту назад. Им сейчас почти целый час летать, а запах керосина хорошо въедается в форму. Аромат будет суперский в кабине!

– Курков, тебе больше чем мужской... «прибор» доверять нельзя. Лезь в кабину, заправщик!

День был, прямо скажем, неудачный. С другой стороны, нас и так хотел Граблин оставить всех в субботу доподготовкой заниматься. Жаль, что не получится в увольнение сходить.

Женечка обещала какой-то сюрприз мне сделать. Чем дольше я в Союзе, тем больше понимаю, что фраза об отсутствии «секса» была вырвана из контекста.

Последнее время мы часто этим занимаемся с моей девушкой, что не может не радовать! Её я стараюсь тоже радовать: цветы, вкусняшки, а записку напишешь ей и передашь с кем-нибудь, так она её хранит, как реликвию. Вот такие вот эсэмэски в Советском Союзе!

– Передашь Жене. Ну как всегда, хорошо? – попросил я Костю отнести записку. Ему единственному позволили сходить в увольнение сегодня.

– Хорошо, Родя. Может ещё что?

– Не-а, может, ребята чего хотят? – сказал я, указывая на Макса и Тёму, штудирующих аэродинамику.

– Завтрашний день хочу. Чтобы закончить с этой доподготовкой, – прошипел Артём.

Когда все ушли, в деле поглощения науки нас хватило ненадолго. Сначала шахматы пошли в ход, затем чтение старых газет из подшивки.

Здесь же я наткнулся на текст проекта Конституции 1977 года в газете «Советская культура». Пройдёт несколько месяцев, и в октябре она будет принята, и просуществует до самого распада Советского Союза. Её будут дополнять во времена Горбачёва, но мало кто будет знать, что это приведёт ко многим страшным последствиям. Так и хочется сказать – не надо ломать того, что и так работает.

Через какое-то время нас вызвали в штаб. Граблин не забыл, что обещал сегодня допросить нас с пристрастием. Заходили к нему в кабинет по одному и первым был, конечно же, Артём. Его отработка особых случаев и отказов на тренажном самолёте не оставила равнодушным никого. Особенно Граблина, который полчаса задавал вопросы Рыжову.

Следующим вызвали Макса. Наверное, до сих пор заместитель командира по летной подготовке ощущает запах керосина при виде Куркова. Макс полночи отстирывал комбинезон и так полностью не избавился от запаха. Скоро и моя очередь пришла.

– Родин, что учил? – спросил Грабля, ставя стеклянный стакан с горячим чаем в подстаканник.

– Всё. Готов отвечать на ваши вопросы.

– Я знаю, что ты готов. С тобой мы поговорим несколько о другом. Тебе чем-то не нравится лейтенант Швабрин? – припомнил он мне тот самый случай с пререканием.

Вот она, семейная кодла под крылом замполита! Теперь будут доставать меня постоянно.

– Я не собирался оскорблять лейтенанта Швабрина, но его методы...

– Вы настолько долго находитесь в военно-воздушных силах, что вправе учить жизни целого офицера, товарищ курсант? – спросил Граблин, отпивая чай из стакана.

Знал бы он, что я намного дольше в армии, чем этот его родственник. Сам Дмитрий Александрович ненамного старше меня.

– Я считаю, что лейтенанту Швабрину необходимо было лучше готовить своих курсантов. Результат его метода мы и увидели. Он оказался неспособен научить, при этом подавал плохой пример для нас, будущих офицеров.

– На что вы сейчас намекаете? Вы считаете Швабрина недостойным звания офицера Советской армии? – взревел Граблин.

А ведь он знает, что Швабрин плотно сидит на стакане, но всеми силами покрывает его. Как это делает и замполит училища Борщёв.

– Меня учили, товарищ подполковник, что о человеке судят по его делам и поступкам. Так что по лейтенанту Швабрину я свои выводы уже сделал.

– Это ваши родители научили вас так умничать? Чтобы они сказали, если бы узнали, как вы разговариваете с офицерами своей части? – спросил Граблин, присаживаясь на своё место.

– К сожалению, ничего. Мой отец погиб, а мать умерла от тяжёлой болезни, – ответил я, следуя истории своего реципиента. Граблина мой ответ явно поставил в тупик. Не ожидал он, что родителей у Родина нет.

– Извини, Родин. Не знал...

В дверь очень сильно постучались. Подполковник разрешил войти и на пороге появился дежурный по полку.

– Дмитрий Александрович, там на КПП проблема возникла. Наряд говорит, что прорваться кто-то на территорию хочет, – доложил дежурный. – Мол, требует начальство.

– Кто? Пускай прогонят или в милицию позвонят.

– Так там... ну девушка молодая. Говорит, не уйдёт, пока начальство не выйдет или его не отпустят, – сказал дежурный.

– Какая ещё девушка? – возмутился Граблин и поднял телефонную трубку. – Кого она хочет увидеть?

– Сейчас, курсант Ра-гин, – по слогам произнес дежурный. – У нас разве есть такой?

– Алло! Дежурный, это Граблин. Что там происходит? Кого? Курсанта Розина? Передай нет тут таких. Я те... да что там за крики?! – крикнул в трубку Граблин. – Дай... дай тру... Ой, Женечка!

Подполковник буквально расцвёл, услышав голос в трубке. Вот так Женька даёт!

– Конечно, Женечка! Для тебя и твоих родителей, пожалуйста. До свидания!

– Разрешите идти? – спросил дежурный, поняв, что инцидент исчерпан.

– Да, конечно, – сказал Граблин и проводил его взглядом. – В парадку и на КПП. Продолжим разговор в другое время. И смотри у меня насчёт Жени!

– Есть, товарищ подполковник. Так мне в увольнение можно?

– Можно. И цветы не забудь маме её купить. Знакомиться с родителями сейчас пойдёшь. Вот те раз! Не рано ли свататься иду?

Глава 5

Бежал к своей девушке со всех ног. Если честно, пару раз даже обернулся, чтобы посмотреть, не преследует ли кто меня. Вдруг Граблин решит передумать. Я задумался над тем, как связаны друг с другом Женя и этот вечно недовольный Граблин, но всё это быстро улетучилось.

Один только взгляд на прекрасное создание у ворот, в светло-жёлтом платье и белым ободком на голове, и Серега потёк!

– И чего это я в тебя такой влюблённый, – сказал я, обнимая свою девушку, цитируя Попандопуло из «Свадьбы в Малиновке».

– Правда, влюблённый? – спросила Женя, поцеловав меня в губы. – Ты извини, Серёж. Как ещё по-другому было тебя дозваться? У тебя не будет проблем? Смеяться никто не станет?

Как будто меня это сейчас волновало? Главное – цель достигнута.

Дала жару Женечка! Наряд на КПП смотрел с некоторым презрением.

– У самого не получилось, так бабой решил воспользоваться? – спросил у меня дежурный по КПП.

Сержант срочной службы, на пару лет старше моего нынешнего возраста, сидел за стеклом дежурки, выкрикивая мне разные подколы. Думает, что отгородился от мира, и никто его не достанет там.

– И чего ты в нем нашла, девушка? Я тоже, между прочим, свободен!

Это он зря. Женя, как показалось, пропустила мимо ушей эти выкрики, но вот мне не терпелось ответить.

– Подь сюда, пожалуйста. Спасибо хочу сказать, – сказал я, попросив Женю подождать, а сам подошёл ближе к стеклу дежурки.

– Если надо – сам зайдёшь. Как к старшему по званию обращаются? – включил босса сержант.

– Ну, или нагнись в окошко. Отблагодарить же хочу. Да чтоб другие не видели, – ответил я и полез в карман, взять несколько монет.

– Вот это другое дело. Дедушку советской армии надо уважать, а то совсем вы, курсачи, оборзели, – сказал он, нагибаясь к открытому окошку. – Порядков армейских не знаете, дедов... ох!

Сержант только успел слегка высунуть нос, как был за него схвачен и ещё сильнее вытянут наружу из своей дежурки.

– Ты чего творишь? – спрашивал он, пытаясь вырваться, но не мог просунуть руки за голову, чтобы отмахнуться.

Я же, продолжал удерживать шнобель и периодически прокручивать его, убавляя и прибавляя стенания сержанта.

– Дедушка, я вам сливу сейчас такую накручу, в цирке клоуном сможете без грима выступать. Мы поняли друг друга?

– Понял, понял. Нос брось! – сказал он и был отпущен. Окошко тут же закрылось, а сам сержант сел на стул, ощупывая свой посиневший пяточок.

Женя всю дорогу до остановки ругала меня за это рукоприкладство. Наверное, она права, но нельзя было этого хама оставлять без ответочки.

– Нельзя, Сережа, так с людьми. Ничего обидного он не сказал, а ты ему нос чуть не открутил. Кто так делает?

– Да я, наоборот, ему только поправил его. Он мне ещё спасибо сказал и рукой помахал, – ответил я, но Женя принялась грозить мне пальцем.

– Родин, людей обижать нельзя. Понял?

– Так точно, товарищ Женя. Разрешите вас поцеловать? – спросил я, прикладывая руку к голове.

К родителям своей девушки я не горел желанием так сразу ехать. Несколько месяцев встречаемся и пока всё устраивало. Рано мне ещё хомут на шею вешать!

Поехали мы к родителям Жени в деревню Сметановку. Там у них дача, и на лето родители всегда уезжают из города. Совсем недавно я наблюдал и рассматривал дома этого населённого пункта с высоты полёта по кругу или на возврате из зоны. А сейчас еду в жёлтом «попрыгунчике».

Называли так автобус марки ПАЗ. Это прозвище как нельзя лучше могло передать впечатление и сам стиль езды на этом общественном транспорте. Даже я в детстве застал эти желтые автобусы в своём Владимирске.

Жарко и душно, а единственным источником прохлады были открытые окна и щель в дверях. Только надо, чтобы водитель ехал чуть быстрее, чем я бегаю, иначе естественный «кондиционер» не работает.

Трое мальчишек толкались рядом с входной дверью, в борьбе за самое крутое место во всём автобусе – одиночное переднее сиденье сразу за капотом. Оно находится почти напротив водителя и с него открывается самый лучший вид на дорогу. Также можно наблюдать за тем, как он крутит «баранку».

– Давай на заднее сиденье? – спросил я, когда мы зашли в салон автобуса.

– Хочешь попрыгать? – посмеялась Женя.

– Пошли. Я лет... давно короче не ездил в «попрыгунчике».

В Союзе не везде были ровные дороги, а где-то их вообще не было. Что-то в этой жизни никогда не меняется. В нашей стране две главные проблемы так и не исчезли. Но сейчас это даже хорошо.

Когда автобус ехал по неровной дороге, любая неровность, а по меркам Советского союза их глубина и высота были явно больше, чем в современной России, позволяла на несколько мгновений почувствовать себя в невесомости.

– Ты... чего... такой весёлый? – спросила Женя, подпрыгивая чуть не до самого потолка.

– Весело же! – улыбался я, не сдерживая восторга от такой поездки.

– Как... маленький, Серёж!

Дача у семьи Жени оказалась самая простая, что ни на есть, советская. Небольшой участок на шесть стандартных соток, огород с помидорами, капустой и прочими овощами, а также абрикос, яблоня и груша, несколько кустов малины и, собранная из подручных средств теплица под огурцы. Летний душ, где роль ёмкости с водой выполняет подвесной топливный бак. И как же без умывальника. Нажал на рычажок – вода пошла. За сегодняшний день так много ностальгии!

Родители Жени приняли меня очень хорошо. Общение проходило стандартно: где родился, что умеешь и что думаешь о будущем. Конечно, семья у Горшковых профессорская. Константин Юрьевич преподаёт литературу в институте. Каждый из вопросов он подкреплял какой-то цитатой из произведений русских писателей.

А вот мама, Наталья Александровна, преподавала иностранный язык в том же институте, где училась Женя.

– Сергей, а какой язык учили вы в школе? – спросила она.

– Учил немецкий, но сейчас изучаю английский, – сказал я.

– И как у вас успехи? – спросила она на языке британцев.

Ладно, Серый, пока можешь не стесняться своих знаний!

– Всё хорошо. Пока всё понимаю, – ответил я на английском практически без запинки, поймав недоумевающий взгляд Жени.

Не ожидала она от меня таких познаний. Я сам-то думал, что уже начинаю забывать языки.

– Прекрасное произношение, Сергей. А что у вас с учёбой в целом? – продолжала спрашивать Наталья Александровна.

– Наша Женечка отличница и мы этому очень рады. Говорили ей поступать в один из институтов Москвы, но она не может без нас... – вступил в разговор Константин Юрьевич, снимая с головы кепку-аэродром. Мне он чем-то напомнил Кикабидзе из «Мимино». Усы только не такие густые.

– Это правда, пап. Мне дома хочется быть. Здесь и вы, и друзья. Теперь вот Серёжа. А как же Сонечку я брошу, – начала спорить Женя, но мама её сразу остановила.

– Евгения, успокойся. Вот, молодой человек выдержан. И нам очень даже понравился, правда, Костя? – спросила Наталья Александровна.

Так, так, так! Ну, точно, на смотрины меня пригласила Женя. Сейчас спросят, а долго ли мы встречаемся.

– Вот сколько вы встречаетесь? – спросил Константин Юрьевич. – Полгода или чуть больше, а рассказала нам про вас Женя, только когда вы что-то там с самолётом сделали.

– Мы ещё подумали, что за разгильдяй такой? Сломал самолёт! И как такие в военно-воздушные силы только попадают, подумала я, – сказала мама Жени, пододвинув ко мне тарелку с бубликами. – Вы кушайте. Так вы нам про учёбу и не сказали.

– Всё у меня хорошо с учёбой. Отличник. Сейчас заканчиваем полёты на первом курсе. Перехожу на второй. Кстати, очень вкусное варенье. И вообще, очень давно не был на даче, – сказал я, осматривая участок и откусывая бублик.

– Спасибо, что оценили. Так, что у вас дальше? Вы думаете о будущем? – спросила Наталья Александровна.

Ну вот, чуть было и про намерения не спросили. Всегда родители спрашивают о таких сложных вещах, как брак.

– Учиться ещё три с половиной года, а дальше служить. Буду стараться закончить с медалью и получить право выбора места службы, – ответил я, чувствуя, как Женя сжимает под столом мою руку.

– Нас больше интересует, что вы думаете о более серьёзных вещах? Насколько серьёзные у вас намерения касательно нашей дочери? – спросил папа Жени, и я чуть не подавился бубликом.

Что за мания у всех родителей спрашивать о свадьбе в самый неподходящий момент? Всегда думал, что хорошее дело браком не назовут.

– Папа! Что ты торопишься? – возмутилась Женя. – Вы так и хотите меня замуж выдать. Ну хорошо же у нас всё...

Пока Женечка пыталась вразумить своих родителей, я пробовал прокашляться и совершенно потерялся на празднике. С тех пор, как я попал в Советский Союз, мысли у меня были о многом. Женитьба не рассматривалась совсем! Она и в прошлой жизни меня не интересовала, а сейчас и подавно. Евгении только бы об этом не проболтаться.

– Мы уже тебя наставляли на путь. И сейчас хотим, чтобы всё у тебя шло хорошо. Ты же помнишь... а вот и соседи! – воскликнула Наталья Александровна, завидев вошедших на участок мужчину и женщину.

– Соседи, рады приветствовать! А у вас и Женька здесь. Как ты? – спросил мужчина. – И кто этот богатырь? Очень рад, товарищ курсант, я Филипыч!

– А я Сергеич. И зовут Сергей, – поздоровался я.

– У нас сын поступает в училище в этом году. В прошлом не получилось, а сейчас готов по полной. А вы уже летаете, Сергей?

– Да, конечно. Заканчиваем программу первого курса.

– Это хорошо. Жень, там Лешка где-то идёт. Скучал, говорит, всё хотел увидеться. Ой... чего-то не то сморозил, – сказал Филиппович.

Да, да, очень плохо скрыл мужик расстройство от ошибки. Самое интересное, Женя немного начала ёрзать на стуле и шепнула мне, что надо постараться уйти. Пока ничего критичного не произошло.

– Сергей, давайте вы Алёшку дождётесь. Познакомитесь, – предложил Филиппович, но его рвение к новым знакомствам я не разделял. А ещё где-то этот походняк я уже видел. И он мне почему-то не нравится.

– Добрый день! А вот и я! Не сильно опоздал? – раздался до боли знакомый и такой противный голос. – Женечка здесь? А то я...

– Здравствуй, Лёша, – произнесла Женя, не поворачиваясь в сторону вошедшего через калитку.

К нему я сидел спиной, но даже так ощущал на себе этот тяжёлый взгляд. Встав со своего места, я повернулся к нему, чтобы встретиться взглядом с тем самым смуглым, курносым, с ямочкой на подбородке человеком. И почему фраза про тесный мир сейчас как никогда актуальна?

– А ты чего здесь? – опешил Лёша Баля, увидев меня.

– В гости пригласили, как и тебя, видимо, – ответил я, протягивая своему оппоненту руку.

Баля не сразу решил пожать её. Видимо, искал хоть малейший шанс как-то опустить меня в глазах остальных присутствующих, особенно Жени. Не договорила она о своих знакомствах. Хотя, откуда ей знать о том, что я чуть не вылетел из училища из-за подлости этого человека.

– А вы знакомы? – спросил Константин Юрьевич. – Женечка с Лёшей ведь давно дружат. Очень долго... – начал он говорить, но его прервала Наталья Александровна.

– Лёша, а ты из армии пришёл? Документы подал в училище? – подлетела со своим вопросом она.

– Да, конечно. Сержант теперь я, – решил выпендриться Лёша. – И поступать буду. Мы с этим... Сергеем в прошлом году поступали. Да, Серега? – хлопнул меня по плечу Баля.

Наверное, рассчитывал, что этот удар будет сильным и доставит мне дискомфорт. Не то, чтобы прям сильный, но с виду Баля мышц поднабрал.

– Да. Жаль, что у тебя не получилось поступить. Все очень расстроились, – сказал я, продолжая смотреть ему в глаза. Женя в этот момент, подошла ко мне и взяла за руку.

– Серёжа, давай я тебя провожу на остановку. Время уже, – сказала она. Лёшу при этом перекосило от злобной ухмылки. Думает, я уеду, и у него общение пойдёт по-другому. Эх, Серый, начинаешь чувствовать соперника в этом задавале!

– Ну, до встречи, как я тебе и обещал, Серёжа, – сказал Баля и пошёл за стол. Сел прямо на моё место, картинно показывая всем своим видом, что теперь он рулит процессом. Как был мерзким, так таким и остался. Наталья Александровна тут же придвинула ему чаю и всяких вкусняшек.

– Сергей, ну вы торопитесь, а то опоздаете, – пожал мне руку отец Лёши и присел рядом с ним.

– Да, действительно, мне пора. Всем до свидания. Спасибо за угощение. Всё было очень вкусно, – сказал я и попрощался с Константином Юрьевичем.

Уже за калиткой я заметил растерянность Жени. Напряжение от молчания нарастало. Видно, что она не знает, что сказать.

– Женя, я всё понял. Но мне неважно, что у вас было, – сказал я и поцеловал руку своей спутницы.

– Как ты это понял? Я же никогда тебе не говорила, с кем встречалась до тебя? – сказала Женя.

Вот сейчас и понял. Сама же получается и призналась. С другой стороны, что это меняет? Её неприязнь к этому человеку видна невооружённым взглядом. Нечего переживать. Ну, если только самую малость.

– Я ж не первый год живу. Всё вижу. Как я понял, твои родители хотели бы видеть Лёшу в качестве зятя?

Пока мы шли, Женя рассказала, что Баля уже и свататься приходил, но она ему отказала. Теперь вот снова появился и будет через родителей пытаться повлиять на её решение.

– Ты прости моих маму и папу. Они спят и видят, как бы меня замуж выдать, – сказала она, и сильнее прижалась ко мне. – Ты ревнуешь?

– Нет, – соврал я. – Совершенно не ревную.

На самом деле руки чесались припечатать Баля прямо там. Особенно после хлопка по плечу. Сейчас мне тем более хочется его закопать.

– А мне показалось, что ты ревнуешь. Прямо как я тогда в больнице, – напомнила мне Женя случай с медсестрой. Вот не забывают девочки такие моменты. Будет припоминать и после свадьбы... Не торопи только события, Серёга! Рано ещё окольцовываться.

По возвращении в училище уснуть не получалось. Вроде взрослый человек, а мысли о том, что сейчас происходит на даче, меня не покидают.

Даже на полётах не выходила из головы эта встреча со старым «знакомым».

– Да надо было в сторону отвести его и осадить, – говорил Макс, когда мы шли к самолёту на вылет.

Сегодня я полечу в качестве курсанта-наблюдателя, а Макс будет пилотировать по маршруту. Осталось слетать всего три полёта и нам предстоит вернуться в училище.

– Грустно, что скоро закончим практику, да, Серёга? – спрашивал Макс по внутренней связи, когда мы пролетали над населёнными пунктами вблизи аэродрома.

Не мог я не смотреть сейчас вниз на деревню, где дача Жениных родителей. Возможно, что и она сейчас там, а рядом крутится этот курносый придурок... Так, отставить Серега! Загораешься ты, как молодой пацан. Как будто тебе не тридцать лет.

– Серега, ты чего завис? Уснул, что ли? – отвлек меня от мыслей Макс.

– Нет, нет. Задумался просто. Ты бы за вертикальной скоростью смотрел, сказал я, заметив отклонение стрелки на вариометре.

– Всё-то ты замечаешь! Как думаешь, тебя наградят за посадку в поле? – спросил Макс, выполняя третий разворот.

– Нам не нужен лишний бал, лишь бы отпуск не пропал, – сказал я. – Совершенно об этом не думаю.

Лётная практика окончилась через пару дней, и мы вернулись на центральную базу училища. Можно сказать, просто переселились в соседнее здание, поскольку учебный полк был размещён практически на базе училища. Снова начались занятия, поскольку предстояло за три месяца подготовиться к сессии. А затем уже отпустят тебя в отпуск. Правда, это будет в октябре, но сама мысль о свободе на целый месяц была прекрасна.

Начали прибывать первые абитуриенты, среди которых был и сержант Баля. Офицеры поручали ему командовать всем набором и водить строй. Вид у него был важный, будто он принимает парад на Красной площади.

Наш курс прекрасно помнил этого «широкого» бывшего ефрейтора. Так что в нашу сторону смотрел он с осторожностью.

Постепенно нас приводили к нормальному курсантскому состоянию. Ни минуты покоя, кроме вечерних полутора часов личного времени. Мозгин так и вовсе лютовал с наведением внутреннего порядка.

– Я из вас всю эту расслабуху полётную выбью, – грозил нам наш старшина, контролируя наведение марафета в казарме. – Пены побольше!

– Не успели приехать, так уже нагрузил нас уборкой, – жаловался Костя.

– Труд сделал из обезьяны человека, друг мой, – сказал я, продолжая изображать бурную деятельность, якобы оттирая пол щёткой. – Это, чтоб мы с тобой не обезьянничали. Ты три, да сильно не усердствуй.

– Да как тут не усердствовать? Потом же скажет перемывать, – говорил Артём, размазывая пену по полу.

– Как? Расслабься и получай удовольствие.

После таких вот уборок сил оставалось немного. Однако сбегать к своей девушке – на это сил всегда хватает.

– Прямо сильно накинулись с работой? – спросила Женя, когда мы сидели во дворе рядом с училищем. Её волосы сегодня пахли ароматом новых духов. Интересная смесь – лёгкий цветочный аромат и нотки свежей зелени.

– Что за духи? – спросил я, обнимая её за плечо и притянув к себе.

– Это «Восьмое марта». У мамы взяла. А когда у тебя отпуск?

– В октябре. Съезжу домой, а то дедушка с бабушкой пишут, что давно не видели. Потом приеду сюда, к тебе.

– Это хорошо..., – начала говорить Женя, и потянулась ко мне, чтобы поцеловать. В этот момент слышались хлопки в ладоши и ехидный смех.

– И как, Родин? Хорошо моя девушка целуется? – усмехался Баля, подходя к нам в сопровождении ещё троих таких же хохочущих идиотов.

– Хорошо. А ты можешь пойти на персиках пока потренироваться, – сказал я, и Лёша поменялся в лице.

– Родя, тебе кранты. Ты лучше сам рапорт напиши и вали из училища. И девушку мою оставь!

– Я не твоя. Хватит уже вспоминать детство! – воскликнула Женя, вскочив со своего места, но я опередил её, встав между ней и Баля.

– Ты иди, куда шёл. И в следующий раз подумай, прежде чем подойти ко мне или к ней. У тебя же есть чем думать? – спросил я, ткнув сильно в лоб Лёше указательным пальцем. Его немного повело назад, и с лица пропала ухмылка.

– Ну, это ты зря, Родин, – сказал он и махнул своим приспешникам, которые стали меня и Женю обступать со всех сторон. – Трясёшься?

Глава 6

Надеюсь, что драться я не разучился. Четыре против одного и плюс за мной девушка – вечно ты из-за женщин встречаешь в передряги, Серый!

Выглядели подручные Баля не то чтобы грозно, но на лицах читалось яростное желание податься с кем угодно.

Стоящий ближе всех белобрысый крепыш так и выпрашивал своей прыщавой мордой кирпича. Остальные двое – патлатые и в расстёгнутых рубашках – не вызвали у меня ничего кроме смеха. Такое себе войско собрал против меня Баля.

– Так, что нам с тобой сделать, Родин? – ухмылялся он. – Моим товарищам всё равно. Они не поступают и будут тебя мутузить. А я тут в сторонке постою и посмотрю, как они тебя в лазарет отправят.

Я повернулся к Жене, взял её за руку и отвёл в сторону.

– Здесь постой. Мы только поболтаем, – сказал я и вернулся опять к скамейке. Баля уже присел на неё, картинно положив ногу на ногу.

– Ребят, вы разберитесь, а я пойду с девушкой пообщаюсь... – сказал он, но встать с лавки я ему не дал, толкнув его обратно. Баля рухнул на скамью, будучи слегка растерянным. Только не перегибай палку, Серый. Он этого и добивается.

– Насчёт лазарета это ты загнул. У твоих дружков силёнок, только чтоб болт свой подержать. Не более того, – ответил я.

– Ах ты тварь! – вскрикнул белобрысый и выбросил в мою сторону удар правой. Захват и залом его кисти до характерного хруста, главное – не сломать. Прокрутив мальчика вокруг себя, я усадил его рядом с Лешей на скамью. Уверенности на лицах этих хулиганов оставалось всё меньше.

– Попал ты, басота, – прошипел один из патлатых с выбитым зубом и вынул из кармана железный кастет. А вот это проблема... для них. Уже не до сдерживания себя сейчас будет. Следующий этапом, наверняка, станет нож.

– Сейчас подрежем слегка тебя, курсач, – рыкнул третий и полез в карман. Колюще-режущий прибор собрался достать, никак иначе!

– Эу, бойцы! – издали раздался крик. Этот голос мне стал почти родным за последние три месяца. Майора Нестерова узнаю всегда. Он шел в сопровождении двух курсантов, выполняющих обязанности начальника патруля, судя по красной повязке.

– Кастет убери, придурок. А ты держи в кармане, что хотел достать, – шикнул я на своих оппонентов, перекрывая обзор Николаевичу, чтобы он не видел эти манипуляции с сокрытием.

Женя рванула ко мне, до сих пор находясь в нервном состоянии.

– Успокойся и улыбайся. Сейчас с инструктором тебя познакомлю, – сказал я и обнял свою девушку.

Банда курносого Лёши тихонько начала ретироваться с места конфликта, не издавая каких-то звуков. Прямо по-английски, не прощаясь. Однако дырку на своей спине, прожжённую взглядом Баля, я чётко ощутил.

– Родин, как дела? Что от тебя эта шпана хотела? – спросил Нестеров, пожимая мне руку.

– Закурить, а я ж знаете не...

– Врать не умеешь ты, Родин. Приставали? – перебил меня Николаевич.

– Серьёзно, товарищ майор. Кстати, это Евгения Горшкова, – представил я Женю.

– Очень приятно. Держись, Родин. Домашний номер мой не выбрасывай, звони не стесняйся, – сказал Нестеров и пошёл дальше.

– А ты зачем их прикрыл? Они же побить тебя хотели? – спросила Женя, снова присаживаясь со мной на лавку.

– Не сильно и хотели. Это же всё провокация, чтобы меня вывести из себя. Настучи я на них, началось бы разбирательство. Ничего бы не доказали, а они бы меня потом преследовали.

– А сейчас, думаешь, не так будет? – спросила она, прижимаясь ко мне.

– Время покажет. Ты мне только скажи, что у вас было с Алексеем? – спросил я. – Просто он за тебя уцепился!

– Он думает, что я его собственность, а нашим родителям, видите ли, хотелось бы нас поженить. Мы же встречались с ним, но он просто невыносим. Из армии когда приезжал, постоянно приставал. В прошлом году особенно.

М-да, не бывает у тебя спокойной жизни, Серый. Чуть на самолёте не убился, нажил себе недоброжелателей в учебном полку, в лице Грабли и Швабры, а теперь ещё и бывший твоей девушки объявился.

Так мы и досидели до того момента, как мне пришлось вспомнить свои навыки в беге. Глянув на часы, я уже понимал, что одним нарядом вне очереди не отделаться. Время было почти девять и близилось время вечерней поверки. Вот так, с красивой девушкой время летит и пролетает, а ответственный по роте на это забывает. Бежал со всех ног, но недолго.

– Родин, мой юный друг! – крикнул командир роты Голубев, встретившийся мне около плаца. – Вы слишком медленно бежите на вечернюю поверку. Объявляю вам два наряда вне очереди!

– Есть два наряда!

– А теперь, где вы были, товарищ курсант? – спросил Голубев, сложив руки на груди.

– На КПП, товарищ майор. Ко мне приходили...

– Судя по отметинам на шее и запаху женских духов, это была девушка, так? – спросил командир роты.

И как он так определил? Ищейка прям. Ему лучше не попадаться после употребления спиртного – учует за версту.

– Так точно, девушка приходила.

– Родин, я же предупреждал, если вам нужно сбросить с себя груз, расслабиться и провести время в компании с прекрасным полом – иначе говоря потра...ся – вы подходите ко мне, и я даю вам увольнение. Но не чаще чем раз в две недели. А вы?

Блин, а и правда, Голубев говорил об этом постоянно. Мимо ушей пропускал ты, Серега, такие объявления.

– Заступите в наряд с понедельника. Теперь шагом марш в казарму!

В понедельник заступил я в наряд. Всё тихо и мирно, особенно когда стоишь на тумбочке, время останавливается. Оно совсем никуда не идёт! В моё время хоть можно было телефон пощёлкать, пока никто не видит. Теперь можно только изучать команды дневального и слушать, как Тёма рассказывает очередную смешную историю от его девушки Светы.

Тут как раз группа под руководством старшины роты Мозгина притарабанила со склада новых досок, чтоб кое-где перестелить пол.

– Курсант Рыжов, – крикнул Мозгин, когда Артём прошёлся мимо открытой двери каптёрки.

– Я, товарищ прапорщик!

– Ко мне... того... ну ты понял! – сказал старшина роты. Артём продолжал глядеть по сторонам и вопросительно смотреть на меня. Если честно, ничего я не понял со слов Мозгина.

Если кого-то надо найти, то все уже ушли. В казарме, кроме наряда ни души.

– Разрешите, товарищ прапорщик, а кого, ну того? – осторожно спросил Артём, не заходя внутрь каптёрки.

– Рыжов, сюда их и быстрее!

Кого только хочет позвать старшина роты, непонятно. Артём уже и к дежурному сбегал, и по всему расположению прошёлся. Никого.

– Рыжов, быстрее с ручника снимись! – торопил его Мозгин.

По выражению лица Артёма было видно, как он растерялся. Кого найти надо? Может, старшина кукухой поехал?

– Товарищ прапорщик, – снова обратился Артём к Мозгину, стоя на пороге каптёрки. – Так это... ушли они. Нет их.

– Как ушли?! Кто увёл? – вскрикнул старшина и выскочил из своей резиденции. Здесь-то и узнал Артём о себе всё самое интересное.

– Рыжов, у тебя голова есть? – спокойно спросил Мозгин.

– Так точно, товарищ прапорщик, – ответил Артём, ощупывая свою макушку и поправляя пилотку.

– Так вот, голова военнослужащему нужна, чтобы думать, а мозги – соображать! – воскликнул старшина роты и указал на большую стопку деревянных досок. – Как дерево может ходить? Я ж тебе сказал, их в каптёрку! Неси, давай!

Не распознал Артём в словах Мозгина указание на доставку досок.

За такими вот эпизодами и пролетело лето. Началась осень и теперь уже мы со стороны наблюдали за принятием присяги первым курсом, хотя сами ещё не были переведены на второй. Сессия-то не сдана.

И как-то всё буднично. Начинает наскучивать однообразие этих «дней сурка». Всё-таки, когда ты на лётной практике, постоянно готовишься к полётам и основное время направлено только на это, время летит очень быстро. Хотя периодически и в такие периоды бывают случаи, которые не оставят тебя равнодушным к происходящему.

Макс, как заместитель командира взвода, определил меня, Костю и Артёма в наряд. Как это часто у нас бывало, после отбоя нападает неимоверный «свин». Я, конечно, объяснял своим товарищам, что на ночь есть вредно, однако и сам в этот момент вместе с ними ел коржики из чипка и запивал «Байкалом».

А вот сегодня возникла проблема. Денежное довольствие подошло к концу, в карманах гуляет ветер, а в буфете в долг не дают. Тёмыч там как-то задержал долг, так теперь у нас нет там депозита.

– Ну не вариант голодным спать ложиться. Чё делать-то? – жаловался Артём, когда мы сидели на ужине в столовой. – И в долг ни у кого нет.

– Нашёл, когда спрашивать. Сейчас все на подсосе или к отпуску копят, – сказал я. – Зато в лучшей форме будешь к отпуску.

– Ага, под пальто всё равно кубиков не видно.

– Смотря, как ты собрался демонстрировать их девушке. Если в одежде, то конечно, она ничего не увидит. Можешь мою булочку взять, если тебя это утешит, – поддержал я его.

Ужинали мы после того, как поела вся наша рота. Смотря на голодные и расстроенные глаза своего товарища, я решил спасти.

– Короче, попроси столовский наряд, чтоб картошки притащили. Килограмма два-три. Луковицу, если достанут. Будет тебе поздний ужин. И масла сливочного, если получится.

После отбоя в бытовке собрался целый консилиум, наблюдая за тем, как я занимаюсь изобретательской работой. Хотя, этот трюк весьма прост.

Солдаты должны были знать этот лайфхак с кипятильником из разобранного утюга. В моём окружении подобных Кулибиных, кроме меня, не оказалось.

– Дай мне провод. Ну вон тот, двухжильный, – показал я Косте на части утюга.

– А что с утюгом-то делать, Родя?

– Соберём, если отвлекать не будешь.

Из металлической банки вырезал два приличных куска железа, которые будут выполнять роль нагревателя. Двумя деревянными прокладками, скрепил эти железки и подсоединил к ним электрический провод.

– Сечение должно быть приличным, – сказал я, хотя собравшиеся вокруг совершенно не понимали моих действий. Будто электротехнику не учили!

А дальше дело техники. В большую банку, закидываем картошку и варим. Стекло сосуд аж трясся, пока вода кипела.

– Осталось лучок порезать, а потом ещё маслицем смазать, – сказал я, когда заканчивался процесс варки.

– Вечернему жору сегодня быть, – воскликнул Костя, вскидывая руки вверх.

Закончилось это приготовление без происшествий, и замыкания не было. Следующий наряд, подсмотрев наш способ приготовления, решил устроить и себе вечерние посиделки.

Всё бы хорошо, да только варили они картошку полночи, пока не выбило пробки. Утром ротный отправил их на исправительные работы. Им пришлось копать какие-то окопы. Судя по глубине, для стрельбы с лошади стоя.

Сессия окончилась, и нас отправили в заслуженный отпуск. Октябрь так себе время для отдыха, но сама мысль об отсутствии в училище, к тому же на законных основаниях, уже приводит в восторг.

Изначально ехать во Владимирск не хотелось, всё же не такими уж родными стали для меня баба Надя и деда Вова. Я же лишь оболочка их любимого внука.

Однако не могу я обижать стариков. Не видели они больше года своего Серёгу. Надо уважить и порадовать. Одно меня тревожило сейчас – я же оставляю Женю.

– Как я уяснил, родители твои от меня не в восторге, – сказал я Жене, когда мы стояли на перроне железнодорожного вокзала в ожидании прихода моего поезда

– Неправда! Это им Лёша постоянно пургу несёт о тебе, мол, ты разгильдяй, на грани отчисления и всё такое. Не успокоится никак, – отвечала она. – Ты же скоро приедешь?

– Я немного только погощу у родных. Что мне там делать во Владимирске? Меня там ничего не держит.

– Как это? Ты же жил там всё время или нет?

– Так... больше года прошло. Всё могло поменяться. Знакомые сейчас на картошке и в колхозах на уборке. Может, кого и встречу.

– А бывших девушек не встретишь? – спросила Женя. И вот сейчас мне немного закружило голову.

Даёт о себе знать память предыдущего хозяина тела. Об Ане Красновой вспомнил и всё внутри взыграло. Не к добру это.

– Не переживай, не встречу. Все на учёбе и на...

– Картошке, помню я. Сами скоро поедим туда. Девчонки говорят, что там весело. А мне бы как-то пропустить это мероприятие.

И правда, все эти поездки на уборку урожая, как я слышал, обладают определённой долей шарма. Посиделки у костра, вино и закуска, песни под гитару и прогулки под луной... Опять начинаешь ревновать, Серый? Начинают тебя одолевает опасения по поводу верности Женечки!

– Ты главное – не волнуйся, Серёжа, – сказала она и обняла меня.

Ох, сколько я раз слышал подобное! Что тут сделаешь, если девочку кто-то охмурит? Ты и не узнаешь об этом, хотя могут и донести до тебя эту информацию. Но и это может быть неправдой. Положит кто-нибудь из студентов глаз на твою Женю и будет всеми силами её добиваться, пока ты во Владимирске.

– Я тебе верю и не переживаю за твою верность, – сказал я. В этот раз убедительно получилось соврать.

Пока ехали с Костей в поезде, очень многое вспоминали событий за произошедший год. В плацкарте на боковушке возле туалета сильно не поспишь. Бардин больше представлял себе будущий отпуск и то, как он в нём отдохнёт. Как пойдёт покрасоваться в школу и на танцы.

– Может, и Капустину встречу, – произнёс Костя, забрасывая в рот купленное нами на развес желтое драже «Горошек». Он мечтательно взглянул на мелькающие поля в окне поезда. – Как думаешь?

– Не отпустило ещё, Кость? Так тебя и манят её округлые формы? – спросил я, хотя этот вопрос был скорее риторический.

– Когда это ты стал таким умным, Родя? Я помню, что в школе ты только на уроках мог разговаривать у доски. И то, тебя ещё надо было потеревить. А сейчас, ты уму-разуму всех учишь. Откуда взялся этот...

– Взрослый взгляд на происходящее? Книжек много почитал. Помогает рассуждать не как подросток, – перебил его я, отдирая друг от друга слипшиеся конфетки.

Передо мной стояла железная банка с узорами, стоимостью рубль тридцать, в которой и лежали те самые знаменитые «Монпансье». В моём времени такие уже редко встретишь.

– Значит, я, по-твоему, подросток? – спросил Костя, однако сейчас он был сдержан в своих эмоциях.

Ещё год назад он мог сразу вскипеть от такого намёка в его сторону. Сейчас стал выдержаннее или проще относиться к критике в свою сторону. Взрослеет мальчик!

– Нет. Просто, если не я тебе скажу, кто тогда скажет правду?

– Я помню, как ты мне сказал про отца. Если честно, это реально помогло. Спасибо! – сказал Костя, пожав мне руку.

– Для этого и есть друзья и товарищи. А по поводу Капустиной, если ты так сильно хочешь с ней увидеться или написать – дело твоё. Я знаю, каково это. Внутри непреодолимое желание как-то на себя обратить внимание девушки, чтоб она просто была рядом. Такое у тебя?

– Вроде того.

– А когда ты, наконец, получаешь от неё письмо, то уши и щёки начинают гореть. И неважно, что там написана всякая чушь и она не говорит тебе, что скучает. Это, друг мой, привычка. Мелкая влюблённость, которая проходит, когда встречаешь другую. И с ней начинается всё заново – горящие уши и щёки, желание быть рядом, – сказал я, похлопав его по плечу.

– И когда-нибудь это пройдёт, как думаешь?

– Да. Этот момент называется взрослением. Ты поймёшь, что любовное чувство со временем притуляется, а на смену приходят взаимоуважение и взаимопонимание. И всё равно, тебе будет хотеться утром бежать на работу, а вечером торопиться домой. Вот тогда пройдут и горящие уши у тебя.

Философские размышления закончились только глубокой ночью. Утром мы уже стояли на платформе Владимирска.

Одетые в парадную форму, мы стали объектом пристального внимания со стороны девушек нашего города. Даже в автобусе не избежали вопросов о том, с какого мы училища. Кто-то фыркал, а кто-то восхищался.

Вышел я на одну остановку раньше положенной, чтобы немного пройтись. Тротуары уже застилал жёлтый ковёр из листьев, а хмурая серость неба имела свою определённую степень привлекательности. И уже промчавшаяся пара МиГ-21 не так завораживала, как раньше, когда ты следил за каждым манёвром самолёта. Ты не пытаешься представить себе действия лётчика с органами управления. Тебе уже кажется, что ты можешь и сам так летать. Но ещё рано. Впереди много всего, что нужно изучить и чему научиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.